Zamkov, N. K.

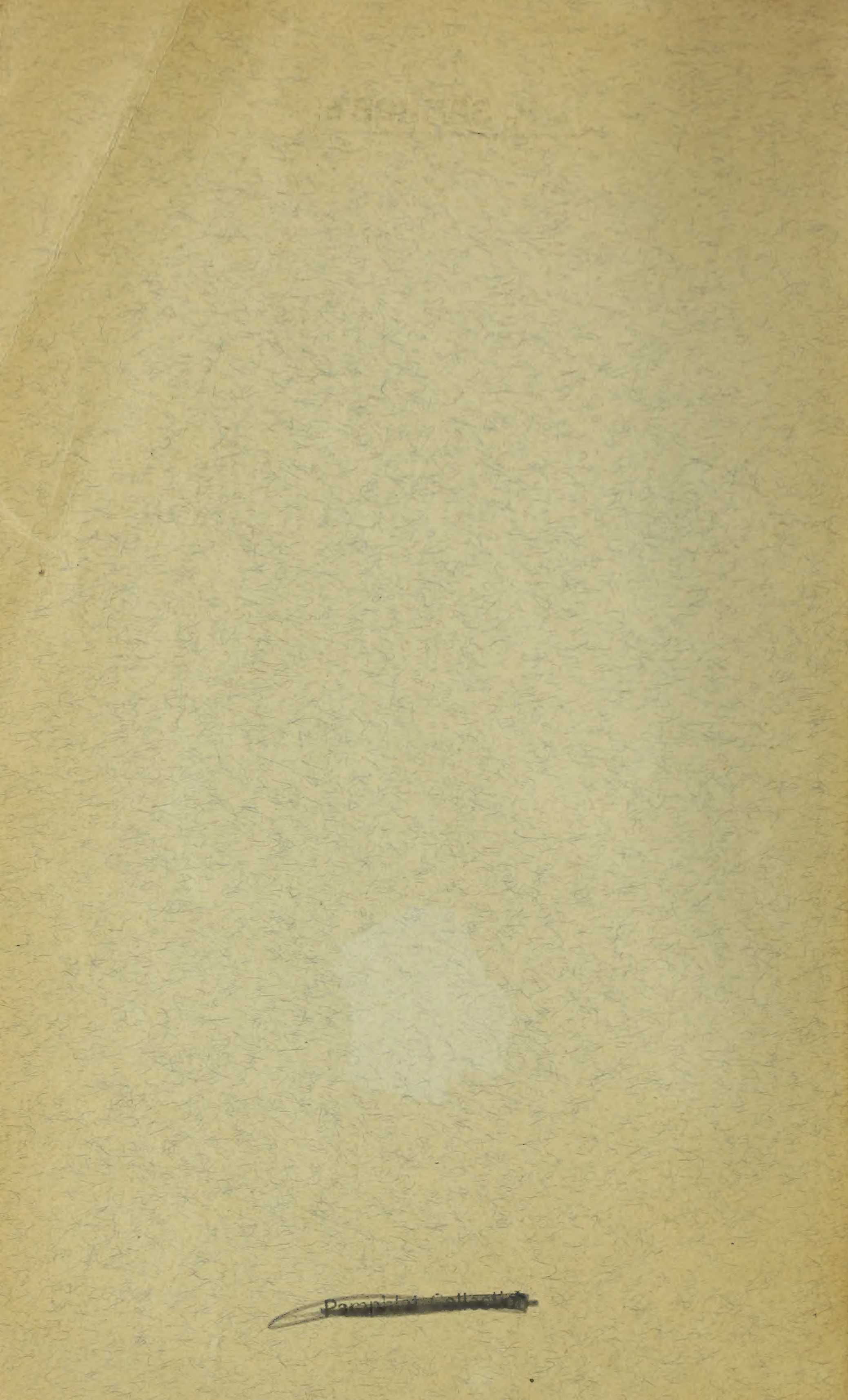
K istorii "Literaturnoi Gazety" baron A. A. Del'viga

Н. К. ЗАМКОВЪ.

КЪ ИСТОРІИ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ“ бар. А. А. ДЕЛЬВИГА.

(Изъ архивныхъ разысканій).

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. П. Усова, Лермонтовскій проспектъ, д. № 28.
1916.

Многоуважаемому
Алексью Алексьевичу
Шилову
отъ автора.
31го мая 1916
Петроградъ.

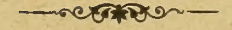
Zamkov, N. K

Н. К. ЗАМКОВЪ.

K istorii "Literaturnoi gazety"

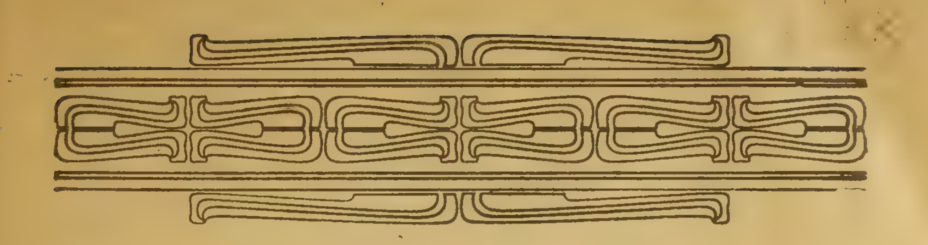
КЪ ИСТОРІИ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ“ бар. А. А. ДЕЛЬВИГА.

(Изъ архивныхъ разысканій).

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. П. Усова, Лермонтовскій проспектъ, д. № 28.
1916.

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Русская Старина“ — май 1916 г.

Къ исторіи „Литературной Газеты“ барона А. А. Дельвига.

(Изъ архивныхъ разысканій).

Литературная Газета“ бар. А. А. Дельвига существовала въ теченіе 1830-го и половины 1831-го гг. [1]) и была органомъ группы выдающихся русскихъ писателей, считавшихъ литературное поприще своимъ призваніемъ—и призваніемъ много обязывающимъ. Группировались они около Пушкина и барона Дельвига, и художественный вкусъ двухъ поэтовъ-друзей былъ—за рѣдкими исключеніями—непререкаемымъ мѣриломъ значительности того или иного произведенія. Сознавая всю безпринципность такихъ „литературныхъ предпринимателей“, какъ Булгаринъ и Гречъ, и чувствуя нравственную обязанность бороться съ ихъ взглядами и литературными оцѣнками, проникавшими въ широкую публику,—Пушкинъ и его друзья все болѣе проникались убѣжденіемъ, что безъ собственнаго органа борьба эта не дѣйствительна. Началъ было ее Н. А. Полевой въ своемъ „Московскомъ Телеграфѣ“ (съ 1825 г.), лучшемъ журналѣ того времени,—но продолжалось это недолго: оскорбленный нѣсколько презрительнымъ и насмѣшливымъ отношеніемъ къ себѣ „литературныхъ аристократовъ“, — вызваннымъ нападками журнала на Карамзина, рѣзкой критикой произведеній лучшихъ писателей того времени и поверх-

---

[1]) Впослѣдствіи, съ 1840 г. А. А. Краевскій началъ вновь издавать „Литературную Газету“, служившую продолженіемъ „Литературныхъ прибавленій къ „Русскому Инвалиду“.

ностною энциклопедичностью самого издателя, — къ концу 1820-хъ гг. и Полевой занялъ дружественную позицію по отношенію къ „Сѣверной Пчелѣ" и „Сыну Отечества". Много надеждъ возбудилъ сначала и „Московскій Вѣстникъ" (съ 1827 г.) М. П. Погодина. Пушкинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ организаціи журнала, горячо заботился и о поддержаніи изданія, отдавая въ него цѣлый рядъ своихъ произведеній и усиленно привлекая къ сотрудничеству лучшихъ писателей того времени. Но и въ этомъ случаѣ надежды быстро разсѣялись и наступило разочарованіе: въ журналѣ хотѣли видѣть органъ группы писателей, считавшихъ своею обязанностью распространять правильныя и безпристрастныя воззрѣнія на литературу, Погодинъ же допустилъ рѣзкіе выпады Арцыбышева противъ Карамзина и вообще не хотѣлъ считаться съ мнѣніями нѣкоторыхъ ближайшихъ сотрудниковъ. Имя Пушкина и его друзей все рѣже стало появляться на страницахъ „Московскаго Вѣстника",—и безъ того мало популярнаго,—и журналъ замѣтно клонился къ упадку—съ тѣмъ, чтобы въ 1830 г. погибнуть окончательно [1]). Но параллельно зарождались новые планы, и чѣмъ болѣе хирѣлъ „Московскій Вѣстникъ", тѣмъ сильнѣе Пушкинъ и его друзья сознавали необходимость созданія собственнаго органа, въ которомъ можно было бы безъ помѣхъ и планомѣрно бороться съ пристрастными, предвзятыми и намѣренно-ложными взглядами „литературныхъ предпринимателей", къ числу коихъ полемическій задоръ заставлялъ уже присоединить и Н. А. Полевого. Въ концѣ 1829-го г. мысль о такомъ органѣ созрѣла, были предприняты соотвѣтствующіе шаги и, при помощи Жуковскаго [2]), также сочувствовавшаго этой идеѣ, разрѣшеніе на изданіе „Литературной Газеты" было получено. Весьма трудно было рѣшить вопросъ, кому поручить исполненіе редакторскихъ обязанностей: Пушкину, кн. П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу и др. мѣшали различныя жизненныя условія, и, въ концѣ-концовъ, за редакторство пришлось взяться бар. Дельвигу, хотя онъ менѣе всѣхъ по своему характеру былъ способенъ къ этому дѣлу; въ помощники же ему

---

[1]) Послѣднія книжки „Моск. Вѣстника" за 1830 г. вышли въ 1831 г.

[2]) *Бар. А. И. Дельвигъ:* „Мои воспоминанія"—I т. (Москва, 1912 г.), 99 стр.—Воспоминанія эти удивительно точны и правдивы, представляя, повидимому, позднѣйшую переработку дневника: см. различныя сопоставленія свидѣтельствъ бар. А. И. Дельвига съ другими источниками въ примѣчаніяхъ М. Л. Гофмана къ „Дневнику А. Н. Вульфа" („Пушкинъ и его современники", XXI—XXII вып.—1915 г.).

дали О. М. Сомова,—недавняго сотрудника изданій Булгарина и Греча,—но къ тому времени бывшаго уже злѣйшимъ ихъ врагомъ. Дѣло было организовано, и 1-го января 1830-го г. первый номеръ „Литературной Газеты“ вышелъ въ свѣтъ [1]).

Новое изданіе появилось въ тяжелое время,—время расцвѣта николаевскаго режима и усиленной дѣятельности тайныхъ и явныхъ пружинъ созданнаго Бенкендорфомъ III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. На литературу, особенно періодическую, было обращено усиленное вниманіе, и Бенкендорфъ открыто третировалъ издателей журналовъ, не церемонясь съ ними: такъ, напр., въ январѣ 1830-го г. онъ посадилъ на гауптвахту редактора „Славянина“ А. Ѳ. Воейкова, за напечатаніе въ 1-мъ № журнала стихотворенія: „Цензоръ“ [2]). Не церемонился онъ, впослѣдствіи, и съ бар. Дельвигомъ при объясненіи съ нимъ по поводу напечатанныхъ въ „Литературной Газетѣ“ стиховъ Казимира Делавиня.—Внушенія и выговоры цензорамъ слѣдовали одни за другими,—и вызываемое этимъ рвеніе заходило нерѣдко такъ далеко, что Главное управленіе цензуры прямо отказывалось понимать доводы цензоровъ о необходимости запрещенія того или иного произведенія, той или иной фразы. Даже Главное управленіе цензуры получало выговоры, хотя во главѣ его стоялъ министръ народнаго просвѣщенія: такъ, напр., по настоянію Бенкендорфа оно получило высочайшій выговоръ за пропускъ статьи: „Общій статистическій взглядъ на Петербургъ“, напечатанной въ 120 и 121-мъ №№ „Сѣвернаго Меркурія“ за 1830-й г. и представлявшей сатирическое изображеніе русскаго чиновничества [3]). Въ статьяхъ и литературныхъ произведеніяхъ запрещено было употреблять цѣлый рядъ словъ, и, напр., въ корректурахъ „Литературной Газеты“, чтобы не задерживать выхода номера, приходилось слово „республика“ замѣнять словомъ „общество“, а вмѣсто: „мятежникъ“—писать: „злодѣй“ [4]).

Кромѣ бар. Дельвига и Сомова—въ изданіи „Литературной Газеты“ ближайшее участіе принимали Пушкинъ и кн. Вяземскій, а обязанности секретаря редакціи исполнялъ В. Н.

---

[1]) Выходила газета чрезъ 5 дней и цензуровалась въ корректурахъ, за исключеніемъ первыхъ номеровъ.

[2]) Стихотвореніе было подписано: „К. В—ій“ и принадлежало перу кн. Вяземскаго; Воейковъ же заявилъ, что не помнитъ, кто доставилъ стихотвореніе: см. „Записки и дневникъ А. В. Никитенко“ (СПБ., 1904 г.) I т. 199—200 стр.

[3]) „Русская Старина“ 1901 г. IX кн., 663 стр.

[4]) „Мои воспоминанія“ бар. А. И. Дельвига—I т., 99 стр.

Щастный [1]); помѣщали же въ газетѣ свои произведенія: Боратынскій, Катенинъ, Гоголь, Языковъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, кн. А. И. Одоевскій, А. А. Перовскій (Погорѣльскій), И. А. Крыловъ, И. И. Козловъ, П. А. Плетневъ, А. С. Хомяковъ, Н. В. Станкевичъ, Д. В. Давыдовъ, А. И. Подолинскій, Ѳ. Н. Глинка и др. Несмотря, однако, на столь блестящій составъ сотрудниковъ,—ни внѣшняя, ни внутренняя исторія газеты почти совсѣмъ не изучена [2]); только вопросъ объ анонимныхъ статьяхъ Пушкина болѣе или менѣе разработанъ [3]). О цензурной же исторіи „Литературной Газеты“ лишь В. В. Стасовъ далъ весьма скудныя свѣдѣнія въ своей анонимной статьѣ: „Цензура въ царствованіе Николая I“ (см. „Русскую Старину“ 1901 г.—IX кн.), да и то лишь о немногихъ эпизодахъ [4]). Между тѣмъ, почти съ первыхъ номеровъ газеты, цензоры не рѣшались пропускать то одно, то другое произведеніе, и вниманіе цензоровъ, а иногда и Бенкендорфа, привлекали произведенія Пушкина [5]), кн. Вяземскаго, Катенина, В. И. Туманскаго, кн. А. И. Одоевскаго, Сомова и др.—Настоящимъ очеркомъ мы и имѣемъ въ виду дать свѣдѣнія о цензурныхъ судьбахъ журнальнаго предпріятія Пушкина и его друзей.

---

[1]) *П. Н. Полевой:* „Листки изъ архива Литературной газеты“ („Историческій Вѣстникъ“ 1886 г., ноябрь).

[2]) Единственная попытка была сдѣлана В. П. Гаевскимъ въ его работѣ о Дельвигѣ („Современникъ“ 1854 г.—47 т. Критика).

[3]) Н. О. Лернеръ тщательно проанализировалъ содержаніе „Литературной Газеты“ и доказалъ принадлежность Пушкину ряда замѣтокъ и статей, которыя и вошли въ собр. соч. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова. Въ XXIII—XXIV выпускѣ изд. „Пушкинъ и его современники“ (Пг. 1916 г.) М. Л. Гофманъ убѣдительно доказываетъ принадлежность Пушкину еще одной статьи въ 10 № „Литературной Газеты“ 1830 г.—рецензіи на поэму Ѳ. Н. Глинки: „Карелія“. Въ 9 № „Журнала журналовъ“ 1916 г. Н. О. Лернеръ доказываетъ также, что Пушкину же принадлежитъ отзывъ о трагедіи Н. В. Станкевича: „Василій Шуйскій“, помѣщенный въ 38 № „Лит. Газеты“ за 1830 г.

[4]) Принадлежность статьи В. В. Стасову указалъ М. К. Лемке въ своей книгѣ: „Николаевскіе жандармы“—54 стр.

[5]) Въ замѣткѣ Пушкина по поводу его же объявленія о выходѣ въ свѣтъ „Иліады“ въ переводѣ Гнѣдича, напечатанной въ 12 № „Литературной Газеты“, Щегловъ и цензурный комитетъ не хотѣли пропускать фразы о недружелюбныхъ отношеніяхъ Гнѣдича и бар. Дельвига, но Главное управленіе цензуры пропустило ее. Кромѣ того Бенкендорфомъ было возбуждено дѣло изъ-за анонимной замѣтки Пушкина въ 45 № „Литературной Газеты“: „Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи“..—Найденныя нами дѣла объ этихъ замѣткахъ будутъ напечатаны въ изданіи: „Пушкинъ и его современники“.

Въ 5 № „Литературной Газеты" отъ 21-го января была помѣщена статья: „О поэзіи Еврейской", представлявшая отрывокъ изъ „Размышленій и разборовъ" [1]) П. А. Катенина, извѣстнаго критика и поэта, убѣжденнаго поклонника и знатока классической литературы. Статья эта привлекла, очевидно, вниманіе какого-либо духовнаго лица,—счевшаго необходимымъ обратить вниманіе начальства на ея характеръ,—т. к. лишь 1-го марта министръ народнаго просвѣщенія обратился къ непосредственному начальнику Спб. цензурнаго комитета—попечителю округа Бороздину со слѣдующимъ неоффиціальнымъ письмомъ:

„Милостивый государь Константинъ Матвѣевичь!—Въ № 5 Литературной газеты" помѣщена статья „О поэзіи Еврейской", въ которой разсуждается о книгахъ священнаго писанія, какъ о піитическихъ и разбираются онѣ хотя съ похвалою въ семъ отношеніи, но какъ сочиненія обыкновенныя, человѣческія, что ослабляетъ должное и истинно христіанской душѣ свойственное уваженіе къ святости слова Божія. По сему я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить Спб. цензурному комитету, чтобы впредь всѣ статьи, заключающія въ себѣ разсужденія о книгахъ священнаго писанія, не были пропускаемы къ напечатанію безъ предварительнаго сообщенія ихъ цензурѣ духовной.—Съ соверш. почт.—кн. Карлъ Ливенъ" [2]).

Письмо министра было прочитано Бороздинымъ въ засѣданіи комитета 4-го марта и „принято къ свѣдѣнію и исполненію".—Но еще ранѣе вниманіе цензора Щеглова уже привлекали произведенія, назначенныя въ „Литературную Газету". Такъ, въ засѣданіи комитета 4-го февраля разсматривалось стихотвореніе Дениса Давыдова: „Зайцевскому, поэту-моряку", въ которомъ Щегловъ не хотѣлъ пропускать два стиха:

„О будьте вы оба [3]) отечества щитъ, Перунъ вѣковѣчной Державы"...

Щегловъ находилъ, что стихи эти имѣютъ „смыслъ

---

[1]) „Размышленія и разборы" были начаты еще въ началѣ 1827 г. и первоначально предназначались въ „Сѣверные Цвѣты": см. „Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину" со вступительной статьей и примѣчаніями А. А. Чебышева (СПБ., 1911 г.—оттискъ изъ „Русской Старины"), стр. 146 и 161—письма отъ 7-го іюля и отъ 18-го дек. 1829 г.

[2]) Архивъ Петроградскаго университета. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г. —№ 37. Дѣло по предложенію г. министра народнаго просвѣщенія о помѣщенной въ № 5-мъ „Литературной Газеты" статьѣ о поэзіи Еврейской. Нач. 3 марта 1830 г.—конч. 4-го марта.

[3]) Зайцевскій и Козарскій,—герой войны съ турками въ 1829 г.

весьма преувеличенный“, однако, „не нашелъ себя въ правѣ запрещать подобную гиперболу, какъ вольность, позволенную поэзіи, и потому опредѣлилъ допустить къ напечатанію“ [1]); 10-го февраля стихотвореніе появилось безъ пропусковъ въ 9 № „Литературной Газеты“.

Въ томъ же засѣданіи комитета 4-го февраля былъ разсмотрѣнъ представленный Щегловымъ „Критическій разборъ письма г. Усова и лекціи г. проф. Соколова“ [2]), вмѣстѣ съ письмомъ автора разбора—„доктора изящныхъ наукъ“ В. Масловича [3])—къ издателямъ „Литературной Газеты“. Комитетъ не рѣшилъ дѣло, и попечитель округа препроводилъ 7-го февраля разборъ и письмо Масловича въ Главное управленіе цензуры. Въ отношеніи за № 52 онъ указывалъ причины нерѣшительности комитета: „г. Цензоръ объявилъ, что упомянутое письмо состоитъ изъ частнаго разговора [Масловича] съ издателемъ „Сѣверной Пчелы“ при томъ случаѣ, когда онъ ему представлялъ свой разборъ для помѣщенія въ сей газетѣ. Самое же сочиненіе, кромѣ охужденія преподаванія профессора, какъ и принятаго имъ намѣренія читать свои лекціи безденежно, заключаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, отмѣченныхъ карандашемъ, неприличные, по его мнѣнію, отзывы относительно преподаванія наукъ въ русскихъ университетахъ... Засѣданіе комитета, удостовѣрясь въ подлинности сего засвидѣтельствованія, не могло принять на себя одобреніе сочиненія сего къ напечатанію по причинамъ, изложеннымъ отъ г. цензора, и потому опредѣлило представить на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“... [4]). Управленіе разсмотрѣло 19 февр. соч. Ма-

[1]) Ibid.—№ 20. „Дѣло о рукописяхъ или статьяхъ, допущенныхъ къ напечатанію засѣданіями комитета по докладу г. цензора Щеглова“. Нач. 4 февр.—конч. 11 ноября.

[2]) „Письмо въ Нижній Новгородъ“ Степана Усова было напечатано въ 6 № „Сѣверной Пчелы“ отъ 14-го янв. 1830 г. и заключало въ себѣ восторженный отзывъ о первой лекціи „физико-геогностическаго курса“, который безплатно читался проф. Соколовымъ въ „минеральномъ кабинетѣ Горнаго кадетскаго корпуса“.

[3]) Вас. Григ. Масловичъ (1793—1841), харьковскій баснописецъ, изд. журнала: „Харьковскій Демокритъ“ (1816 г.) и авт. біографіи А. Н. Нахимова—харьковскаго поэта. Біографич. свѣдѣнія о Масловичѣ даны Н. В. Масловичемъ въ „Русской Старинѣ“ 1892 г., іюль—139 стр. Тамъ же помѣщено нѣсколько его басенъ.

[4]) Архивъ Министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1830 г., карт. X—№ 146875. „Дѣло по представленію попечителя Спб. уч. округа о статьѣ: Критическій разборъ письма г. Усова и лекціи г. Соколова“. Нач. 11 февр.—конч. 26 февр.—Краткія свѣдѣнія о дѣлѣ даны въ упомянутой статьѣ В. В. Стасова („Русская Старина“ 1901 г.—IX кн., 649 стр.).

словича, а 26 февр. министръ народнаго просвѣщенія сообщалъ попечителю округа Бороздину, что оно „признало помянутый разборъ позволительнымъ въ цѣлости, нашедъ, что письмо не можетъ быть пропущено къ напечатанію“... [1]). Цензурный комитетъ выслушалъ предписаніе министра въ засѣданіи 28-го февр. и опредѣлилъ „удержать означенное письмо при дѣлахъ комитета, а разборъ передать для подписи одобренія г. цензору Щеглову“ [2]). Въ „Литературной Газетѣ“ разборъ однако не появился, а былъ напечатанъ въ 14 № „Московскаго Телеграфа“ за 1830 г. (ценз. помѣта отъ 21-го августа), 190—201 стр., за подписью: „Докт. Масловичъ“. Наивное же письмо „доктора изящныхъ наукъ“ сохранилось при дѣлѣ цензурнаго комитета; текстъ его слѣдующій:

„Поводомъ къ сей критикѣ было письмо г. Усова, напечатанное въ „Сѣверной Пчелѣ“, куда и критика сія адресована была для напечатанія; но г. издатель не принялъ оной!—Генваря 23-го дня по утру пошелъ я самъ къ г. Гречу и подалъ ему бумагу, которую сочинялъ я болѣе двухъ дней. Онъ, будучи занятъ чрезвычайно своими дѣлами, взглянулъ на мою бумагу бѣгомъ и, отдавая мнѣ оную назадъ, сказалъ: „нельзя ее напечатать въ „Сѣв. Пчелѣ“, ибо она писана бранчивымъ тономъ“! Помилуйте, Николай Ивановичь, разсмотрите повнятнѣе! Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго признака брани! Онъ взглянулъ еще нѣсколько секундъ на бумагу и сказалъ: „нѣтъ, тонъ слишкомъ суровъ! Слава Богу, что у насъ начинаютъ заводиться таковые просвѣтители! а вы уже вздумали ихъ критиковать! г. Соколовъ разгнѣвается и будущій годъ не станетъ преподавать своего чтенія безденежно“. Да это бы хорошо, отвѣчалъ я,—по крайней мѣрѣ простая публика не вводилась бы въ заблужденіе ложными мнѣніями о физическихъ наукахъ. Загляните еще разъ въ тетрадку!—и вы увидите, что изъ всей лекціи г. Соколова нѣтъ ни одного положенія справедливаго! „Какъ!—воскликнулъ онъ, поднявъ очки къ кверху,—я самъ знаю величайшую пользу публичныхъ чтеній! Лѣтъ тому 30 назадъ, когда мнѣ было отъ роду 15 лѣтъ, посѣщалъ я Академическія лекціи покойныхъ академиковъ: Озерецковскаго и Севергина, и довольно узналъ изъ зоологіи и минералогіи“. Какъ я слабъ въ сихъ наукахъ,

[1]) Архивъ Петрогр. унив. „Дѣла Спб. ценз. комитета 1830 г.—№ 22. „Дѣло по представленію г. цензора Щеглова о статьѣ подъ заглавіемъ: „Критич. разборъ письма г. Усова и лекціи профессора Соколова“. Нач. 4 февр.—конч. 28 февр.

[2]) Ibid.

то не могъ ничего возразить г. Гречу, а сказалъ ему, что я хотѣлъ сдѣлать честь вашему журналу своею критикою, но если вамъ не угодно, то я надѣюсь, что она помѣщена будетъ въ „Литературную Газету“. „Извольте помѣщать, - отвѣчалъ г. Гречь,— этой газеты никто и въ руки не беретъ; и ваша критика останется безгласной“!—Пришедши къ моимъ пріятелямъ-землякамъ, разсказалъ я имъ о моемъ сношеніи съ г. Гречемъ; и они дивились наипаче зоологическому его знанію!—Въ одномъ № „С. Пчелы“ написано: „Наша пчела будетъ употреблять жало свое на уничтоженіе трутней, пауковъ и другихъ безполезныхъ насѣкомыхъ“. Итакъ издатели „С. Пчелы“ имѣютъ совершенно ложное понятіе о пчелѣ! Они думаютъ—по деревенскому толку,— что трутни безполезны для рабочихъ пчелъ,—ѣдятъ только ихъ медъ и ничего не дѣлаютъ; а посему пчелы не терпятъ ихъ въ своемъ ульѣ и убиваютъ.—Вотъ мнѣніе достойное просвѣщенныхъ журналистовъ! Имъ неизвѣстно, что трутни суть самцы одной самки-матки, которая безъ нихъ не могла бы класть своихъ яичекъ и выводить роя пчелъ, но они, такъ какъ и большая часть изъ насѣкомыхъ самцовъ, послѣ совокупленія съ самкою умираютъ.—Чувствуя справедливость и пользу моей критики, я обращаюсь къ издателямъ „Литературной Газеты“ и прошу принять оную въ свое изданіе! Но ежели, подобно г. Гречу, отринутъ и они (чего я не ожидаю) усердное мое приношеніе, то я попрошу моихъ пріятелей-земляковъ перевести критическій сей разборъ на нѣмецкій и французскій языки и пошлю оный къ иностраннымъ газетчикамъ, для публикованія во всей Европѣ—В. М.“.

Запрещая письмо такого невиннаго содержанія, цензурное вѣдомство должно было, конечно, не менѣе строго отнестись и ко второй части анонимной статьи кн. П. А. Вяземскаго: „О московскихъ журналахъ“, заключавшей въ себѣ дѣйствительно рѣзкіе выпады противъ Н. А. Полевого и его „Московскаго Телеграфа“. Первая часть статьи, помѣщенная въ 8 № „Литературной Газеты“ отъ 5-го февраля, была посвящена разбору вышедшихъ въ 1830 г. книжекъ „Дамскаго Журнала“ и „Москов. Вѣстника“, но въ концѣ ея кн. Вяземскій началъ уже нападеніе на Н. А. Полевого, замѣчая, что запозданіе выхода „Московскаго Телеграфа“ весьма странно, также какъ и посвященіе „Исторіи русскаго народа“ Нибуру [1]). Вторая же часть

---

[1]) Начало статьи, появившееся въ „Литературной Газетѣ“, почему-то не вошло въ „полное“ собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, хотя принадлеж-

статьи, хотя и заключала въ себѣ разборъ „Московскаго Телеграфа“, „Вѣстника Европы“—Каченовскаго и „Атенея“—Павлова,—однако въ сущности была почти цѣликомъ направлена противъ Полевого. Рѣзкость тона статьи, конечно, сразу же привлекла вниманіе цензора и предрѣшила ея судьбу.—По разсмотрѣніи цензурнымъ комитетомъ въ засѣданіи 18-го февр.—она была препровождена 25 февр. въ Главное управленіе цензуры, при чѣмъ попечитель округа сообщалъ въ отношеніи за № 88, что „Щегловъ представилъ оную на разсужденіе комитета, не рѣшаясь самъ по себѣ допустить къ напечатанію потому, что многія изъ предлагаемыхъ сужденій не столько относятся къ журналамъ, сколько къ самимъ издателямъ оныхъ. Засѣданіе комитета, соображая отмѣченныя въ рукописи мѣста, признало съ своей стороны, что, по свойству каждаго сочиненія полемическаго, сужденія о произведеніи какомъ-либо необходимо сливаются съ сужденіями о самомъ авторѣ; и поелику разность между оными состоитъ нерѣдко въ одномъ обращеніи словъ къ лицу, или предмету, то подобныя критики неоднократно до сего времени пропускаемы были цензурою: въ настоящемъ же случаѣ, когда полемика журналовъ обратила на себя вниманіе правительства, засѣданіе комитета признало нужнымъ испросить на упомянутую статью разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“ [1]).—Статья была разсмотрѣна въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры 26-го февр., а 5-го марта министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ попечителю округа, что „нѣкоторыя мѣста надлежитъ исключить изъ оной, но, по неудобству произвести таковое исключеніе, [Главное упр. ценз.] признало за лучшее

ность статьи кн. Вяземскому была указана С. И. Пономаревымъ въ его „Указателѣ соч. кн. Вяземскаго“ („Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Ак. Наукъ“—XX т. (1880 г.) 87 стр.). Кромѣ того самъ кн. Вяземскій въ экземплярѣ „Литературной Газеты“, посланномъ имъ А. И. Тургеневу, написалъ противъ статьи: „О Московскихъ журналахъ“: „моя“ (см. *А. А. Ѳоминъ*: „Къ вопросу объ авторахъ неподписанныхъ статей въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г.“—въ „Русскомъ Библіофилѣ“ 1914 г.—апрѣль, 49 стр.—и отдѣльно: „Памяти Пушкина“—СПБ., 1914 г.,—15 стр.). Вторая же часть статьи, запрещенная цензурой, была напечатана во II т. собр. соч. кн. Вяземскаго, 121—132 стр., но безъ всякаго упоминанія о судьбѣ статьи и о появленіи въ печати начала ея.

[1]) Архивъ Министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1830 г.—карт. X, № 146883. „Дѣло по представленію попечителя СПБ. уч. округа о статьѣ подъ названіемъ: „О московскихъ журналахъ“. Нач. 26 февр.— конч. 5 марта.

не давать дозволенія на напечатаніе оной“ [1]).—Цензурный комитетъ выслушалъ 7-го марта это предписаніе и постановилъ „удержать означенную рукопись при дѣлахъ комитета“ [2]). Рукопись статьи, увидѣвшей свѣтъ лишь черезъ 50 съ лишнимъ лѣтъ, сохранилась при дѣлѣ, и цензорскія помѣтки въ ней даютъ возможность установить, что именно вызвало запрещеніе [3]).

Карандашъ цензора отмѣтилъ прежде всего почти всѣ мѣста, заключающія въ себѣ выпады противъ Полевого, какъ историка.—Извѣстно, какъ многочисленны, рѣзки и часто несправедливы были нападки на „Исторію русскаго народа“. „Литературная Газета“—почти съ первыхъ номеровъ ея—взяла рѣзко-отрицательный тонъ по отношенію къ Полевому, и началъ эту войну въ 4 № Пушкинъ—своей первой статьей строгаго разбора „Исторіи рускаго народа“ [4]). Кн. Вяземскій особенно враждебно относился къ Полевому и больше другихъ имѣлъ къ тому основаній. Онъ былъ главнымъ вдохновителемъ „Моск. Телеграфа“ въ первые годы существованія журнала, и Полевой всегда обращался къ нему за совѣтами, давалъ на просмотръ свои работы и безпрекословно вносилъ въ нихъ указываемыя измѣненія [5]); но чѣмъ болѣе опредѣлялся успѣхъ журнала, чѣмъ тверже становилась почва подъ ногами Полевого, тѣмъ менѣе ощущалъ онъ потребность въ постороннемъ руководителѣ; все болѣе и болѣе удаляясь отъ кн. Вяземскаго, онъ сталъ допускать въ „Московскомъ Телеграфѣ“ рѣзкую критику „Исторіи“ Карамзина, произведеній Пушкина, бар. Дельвига и его самого; критика Н. А. Полевого на XII-й посмертный томъ „Исторіи“ Карамзина, изданный въ 1829 г. друзьями покойнаго исторіографа—Д. Н. Блу-

---

[1]) Архивъ Петроградскаго унив. Дѣла СПБ. ценз. комитета 1830 г.—№ 32. „Дѣло по докладу г. цензора Щеглова о назначенной для помѣщенія въ „Литературной Газетѣ“ статьѣ: „О московскихъ журналахъ“ и потомъ запрещенной Главнымъ упр. цензуры къ напечатанію“. Нач. 18 февр.—кон. 7-го марта.

[2]) Ibid.

[3]) Въ собр. соч. кн. Вяземскаго статья напечатана—вѣроятно съ оригинала—вполнѣ сходно съ копіей, отданной въ цензуру и сохранившейся при дѣлѣ.

[4]) Вторая статья разбора была помѣщена въ 12 № „Литературной Газеты“, а въ бумагахъ Пушкина сохранилась программа и третьей статьи (см. собр. соч. подъ ред. С. А. Венгерова—IV т., 542—545 стр.).—И кромѣ этого Пушкинъ не разъ высказывалъ свое рѣзко-отрицательное отношеніе къ труду Полевого-историка.

[5]) См. „Записки Кс. Полеваго“ (СПБ., 1888 г.), 104—109, 116, 126—127 и 166 стр.

довымъ и К. С. Сербиновичемъ, послужила поводомъ къ окончательному разрыву съ кн. Вяземскимъ, страстнымъ поклонникомъ „Исторіи Государства Россійскаго“ [1]): къ 1830 г. отношенія между ними были уже открыто враждебными.—Въ мѣстахъ своей статьи, отчеркнутыхъ цензоромъ, кн. Вяземскій дѣйствительно не щадитъ Полевого. Такъ, говоря о нападкахъ на издателя „Московскаго Телеграфа“ за приложеніе къ журналу картинокъ модъ, онъ замѣчаетъ, что обвиненія могутъ еще болѣе усилиться теперь, „когда вспомнишь, что русскій законодатель портнихъ и модистокъ есть въ одно время и историкъ русскаго народа“... „Обѣщаніе довести исторію до нашего времени есть та же *разкрашенная вывѣска* [2])... Современная исторія нигдѣ не доступна, особливо же у насъ... Историкъ, который добровольно берется перефразировать „Московскія Вѣдомости“, писать о томъ, о чемъ писать невозможно, и выдавать свою книгопродавческую работу за исторію, тотъ накидываетъ большое подозрѣніе на свой историческій характеръ и на свою историческую добросовѣстность. Отказываясь вѣрить ему въ одномъ, трудно довѣрять ему и тамъ, гдѣ онъ могъ бы свободно излагать свое мнѣніе. Несбыточныя обѣщанія изобличаютъ по крайней мѣрѣ неосновательность ума, если не хвастовство и не шарлатанство; но и одной неосновательности довольно, чтобы отбить вѣру и уваженіе“ [3])... Указывая далѣе, что рѣзкія критическія нападки на Карамзина въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ подготовили и появленіе „Исторіи русскаго народа“,— кн. Вяземскій считаетъ, что „г. Полевой поступилъ неблагодарно: слѣдовало ему посвятить твореніе свое не Нибуру, а *Каченовскому и Арцыбышеву.* Они удобрили ниву, на которой онъ собираетъ жатву: они вложили въ него мысль и усердіе обработать ее. Въ политическомъ мірѣ анархія ведетъ къ деспотизму: въ литературномъ мірѣ низпроверженіе законовъ изящности, анархическое своевольство есть также вступленіе къ лжецарствію невѣжества“ [4])...

---

[1]) Ibid., 291—293 стр.

[2]) Курсивъ вездѣ кн. Вяземскаго.

[3]) Слова эти почти буквально повторены кн. Вяземскимъ въ его анонимной статьѣ: „О нашихъ модо-литературныхъ журналахъ“ („Лит. Газета“ 1830 г.—35 №—ценз. помѣта отъ 19 іюня,—282 стр.).

[4]) Повторено въ статьѣ: „Объясненіе нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ литературныхъ“, статья II-ая („Лит. Газета“ 1830 г., 31 № — ц. п. отъ 30 мая,—251 стр.; см. также „Собр. сочиненій“ кн. П. А. Вяземскаго, II т. 147 стр.).

Отмѣтилъ цензоръ и характеристики „Московскаго Телеграфа“ и его издателя. Считая отдѣлъ переводной литературы въ журналѣ образцовымъ, кн. Вяземскій полагаетъ, однако, что „въ составъ уложенія критики отечественной не входятъ ни добросовѣстность, ни вкусъ, который также есть совѣсть эстетическая. Приговоры, произносимые издателемъ, отзываются всегда пристрастіями, лицепріятіями *экстреннаго суда*, руководствующагося не внутреннимъ убѣжденіемъ, не коренными законами, а одною силою обстоятельствъ и личныхъ отношеній. Это настоящій революціонный трибуналъ: опалы, торжества, казни, апоѳеозы, дѣйствія и противодѣйствія смѣняются и примѣняются съ безпрерывнымъ противорѣчіемъ, съ примѣрною забывчивостью къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, однимъ и тѣмъ же дѣламъ, смотря по времени и постороннимъ принадлежностямъ. Правда и то, что жертвы сего трибунала могутъ сказать ему: „ Les gens que vous tuez se portent assez bien!“.. Указавъ затѣмъ на отсутствіе у издателя вкуса, который можетъ быть лишь врожденъ человѣку, кн. Вяземскій даетъ убійственную и въ цѣломъ, конечно, несправедливую характеристику Полевого: „Знающимъ г-на Полеваго извѣстно по изустнымъ и письменнымъ свидѣтельствамъ, что фундаментальное невѣдѣніе его въ первыхъ литераторскихъ познаніяхъ доходитъ до границъ баснословнаго невѣроятія: образованіе его совершенно практическое и оно ровесникъ „Московскому Телеграфу“, которому не болѣе шести лѣтъ. По этому воззрѣнію г. Полевой относительно къ нему самому приноситъ честь русскому имени, и мы охотно, безъ малѣйшаго эпиграмматическаго подразумѣнія, подтвердимъ слова умнаго человѣка, который называлъ его: представителемъ русской промышленности. Но изъ того, что онъ неимовѣрно многому научился для себя, не слѣдуетъ, чтобы онъ зналъ многое въ отношеніи къ литературѣ нашей. Жаль, что, не постигнувъ выгоды положенія своего, не умѣлъ и не хотѣлъ онъ благоразумнѣйшею умѣренностью, разсчетливымъ ограниченіемъ дѣйствій своихъ въ мѣрномъ кругу сосредоточить силы и дарованія свои. Теперь, если г. Полевой и принадлежитъ какой-нибудь школѣ, то развѣ Суворовской, которая не терпѣла *не могузнайки.* И въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ умственномъ и ученомъ мірѣ ни одного запроса, отъ коего запнулся бы онъ. Читателямъ нашимъ вѣроятно не покажется неумѣстнымъ, что мы нѣсколько распространились въ характеристикѣ г. Полеваго. По способностямъ и погрѣшностямъ своимъ, по многимъ дѣйствіямъ благонамѣреннымъ и по злоупотребленіямъ своимъ,

по ролѣ, которую онъ играетъ въ современной эпохѣ словесности нашей, онъ любопытный предметъ изслѣдованія, изученія и указаній. Смѣемъ надѣяться, что мы въ обрисовкѣ своей не отступили отъ безпристрастія и добросовѣстности; желали бы мы надѣяться, что безкорыстныя, откровенныя указанія наши послужатъ въ пользу"...

Кромѣ этихъ характеристикъ вниманіе цензора привлекли еще двѣ фразы статьи: въ первой изъ нихъ, говоря о помѣщенномъ въ 1 № „Вѣстника Европы" анонимномъ отрывкѣ изъ „Опыта о романтической поэзіи" Н. И. Надеждина, кн. Вяземскій выражаетъ удивленіе, „что журналистъ [т. е. Каченовскій], предлагающій читателямъ своимъ сочиненія, писанныя подобнымъ языкомъ, сочиненія, гдѣ слова и выраженія низкія и высокопарныя, витійство семинарійское и краснобайство площадное воютъ разногласно, могъ когда-нибудь почитаемъ быть судіею и знатокомъ въ руской словесности"; вторую фразу кн. Вяземскій бросаетъ при разборѣ „Атенея", разсуждая о разницѣ между полемикой и критикой: „Впрочемъ, говоритъ онъ, и полемика полемикѣ и споръ спору рознь. Между равно благовоспитанными, образованными людьми нерѣдко и въ спорѣ бываетъ обмѣнъ насмѣшекъ, колкостей, но изъ того не слѣдуетъ, что споръ въ гостиной между благовоспитанными людьми есть одно и тоже, что споръ въ сѣняхъ между лакеями, или на улицѣ между черни" [1]). Фраза эта весьма характерна для „литературныхъ аристократовъ" пушкинскаго круга [2]) и напоминаетъ извѣстную шутку о „трехъ исторіяхъ" (въ 10 № „Лит. Газеты" за 1830 г.), приписываемую Пушкину.

---

[1]) Ту же мысль кн. Вяземскій повторяетъ и развиваетъ въ статьѣ „Нѣсколько словъ о Полемикѣ" („Лит. Газета" 1830 г., 18 №—ц. п. отъ 26-го марта, 143 стр.).

[2]) Терминъ „Литературная аристократія" приходится брать въ кавычки потому, что Полевымъ и Булгаринымъ ему была придана насмѣшливая окраска; Пушкинъ и его друзья возставали поэтому противъ примѣненія термина къ нимъ; кн. Вяземскій писалъ, напр., 23 янв. 1831 г. М. А. Максимовичу: „Охота вамъ держаться терминологіи вралей и вслѣдъ за ними твердить о литературной аристократіи, объ аристократіи [Литературной] Газеты" („Сборн. отд. русскаго языка и слов. Академіи Наукъ" XX т. (1880 г.) № 5, 156 стр.). Подробно касается вопроса о „литературной" аристократіи кн. Вяземскій въ первой части своей статьи: „Объясненіе нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ литературныхъ" („Лит. Газ." 1830 г., 23 №—ц. п. отъ 20 апр.—и во II т. собр. соч. кн. Вяземскаго, 156—165 стр.).

Вниманіе „усерднаго“ цензора привлекло, между прочимъ, и одно анонимное стихотвореніе декабриста кн. А. И. Одоевскаго, бывшаго тогда въ ссылкѣ—въ Читѣ. Вопреки утвержденію біографовъ поэта, указывавшихъ, что съ 1825 по 1838 г. въ печати не появлялось ни одно произведеніе князя [1],—въ „Литературной Газетѣ“ было напечатано нѣсколько его стихотвореній, но, конечно, безъ подписи. Безъ подписи было и стихотвореніе: „Плѣнникъ, элегія—В. И. Ланской“ [2] („Что вы печальны, дѣти сновъ“...), представленное въ цензуру въ мартѣ 1830 г. Въ засѣданіи цензурнаго комитета 28 марта „Щегловъ представилъ оную [статью] на разрѣшеніе комитета, находя весьма темною по содержанію, такъ что трудно усмотрѣть дѣйствительное намѣреніе сочинителя. При семъ г. цензоръ, надворный совѣтникъ Гаевскій объявилъ, что онъ, съ своей стороны, полагаетъ неприличнымъ такую статью печатать въ газетѣ, обращающейся во всеобщемъ употребленіи: но г. предсѣдатель [Бороздинъ] и гг. цензоры Бутырскій и Щегловъ [sic!] большинствомъ голосовъ рѣшили допустить къ напечатанію, какъ не заключающую въ себѣ явнаго смысла, противнаго правиламъ устава о цензурѣ“ [3]). Появилось, однако, стихотвореніе лишь въ 52 № „Литературной Газеты“ отъ 13-го сентября 1830 г. и безъ посвященія В. И. Ланской [4]).

Особенно бдительное вниманіе должна была проявлять цензура по отношенію къ статьямъ и литературнымъ произведе-

---

[1]) См., напр., біографич. очеркъ при собр. соч. кн. А. И. Одоевскаго (СПБ., 1893 г..—приложеніе къ журналу „Сѣверъ“), составленный М. Н. Мазаевымъ, XI стр.

[2]) Варвара Ив. Ланская (род. ок. 1800 г., † въ 1844 г.), дочь кн. Ив. Ив. Одоевскаго, двоюроднаго брата отца поэта. Ея переписка съ О. М. Свистуновой, ярко рисующая грибоѣдовскіе прототипы московскаго общества, напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1874—1875 г.г.

[3]) Архивъ Петрогр. унив. Дѣла Спб. ценз. комитета 1830 г. — № 20. „Дѣло“ о статьяхъ, пропущенныхъ комитетомъ по докладамъ Щеглова.

[4]) Напечатано это стихотвореніе и въ собраніяхъ соч. кн. А. И. Одоевскаго—1883 и 1893 гг., но съ другимъ заглавіемъ: „Элегія“ (дата „Чита—1830 г.“) и съ нѣкоторыми варіантами: такъ—во второмъ стихѣ читается: „летучей жизни...“, а въ „Литературной Газетѣ“: „безцвѣтной жизни...“; въ 76 стихѣ: „чуждый міръ...“, въ „Лит. Газетѣ“ же: „чудный міръ...“; кромѣ того въ „Литературной Газетѣ“ нѣтъ заключительной строфы:

„Въ лазурь небесъ восходитъ зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастаетъ вѣка;
Но со ступени на ступень
Вѣка возводятъ человѣка“.

ніямъ, такъ или иначе касавшимся политическихъ событій, разыгрывавшихся на Западѣ. Іюльская революція во Франціи, вызвавшая замѣну одной династіи другою, и введеніе иной формы правленія, испугала правительство и у насъ, вызвавъ рядъ репрессій и предупредительныхъ мѣръ. Дѣлалось все возможное, чтобы отклики парижскихъ событій и послѣдовавшихъ народныхъ волненій въ разныхъ концахъ Европы не проникали въ Россію,—и прежде всего, конечно, было обращено вниманіе на печать. Уже 4-го августа генералъ - адъютантъ кн. Ливенъ оффиціально сообщилъ своему брату,—министру народнаго просвѣщенія, что по высочайшему повелѣнію всякія извѣстія о Франціи могутъ быть заимствованы лишь изъ нѣмецкой газеты: „Preussische Staats Zeitung“, всѣ нужныя свѣдѣнія изъ которой будутъ помѣщаться въ оффиціальномъ изданіи: „Journal de St.-Pétersbourg“ [1]). Министръ народнаго просвѣщенія кн. Ливенъ 4-го же августа сдѣлалъ соотвѣтствующее предписаніе цензурнымъ комитетамъ, а 27-го августа напоминалъ попечителю Спб. учебнаго округа Бороздину, что политическія свѣдѣнія могутъ печататься только въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Сынѣ Отечества“ [2]).

Между тѣмъ въ концѣ 61-го № „Литературной Газеты“ отъ 28 октября 1830 г. была помѣщена слѣдующая замѣтка: „Вотъ новые четыре стиха Казимира де-ла Виня, на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля:

„France, dis-moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funebre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaître“ [3]).

---

[1]) „Русская Старина“ 1901 г.—IX кн., 662 стр.—Братъ министра народнаго просвѣщенія генералъ-адъютантъ князь Ливенъ былъ, между прочимъ, женатъ на сестрѣ Бенкендорфа (ibid.—656 стр.), знаменитой женщинѣ-дипломаткѣ.

[2]) Архивъ Петроградскаго Унив. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 72. „Дѣло по представленію г. министра народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы цензурный комитетъ дозволялъ печатать въ повременныхъ изданіяхъ о Франціи только тѣ политическія статьи, кои помѣщены будутъ въ журналѣ de St.-Petersbourg politique et litteraire.—Здѣсь же о доставленіи всѣмъ цензорамъ по экземпляру журнала“.

[3]) Т. е.: „Франція, скажи мнѣ ихъ имена? Я ихъ не вижу на этомъ печальномъ памятникѣ. Они такъ скоро побѣдили, что ты была свободна раньше, чѣмъ успѣла ихъ узнать“.

Пропущено было это четверостишіе цензоромъ Семеновымъ,— незадолго, лишь, передъ тѣмъ поступившимъ на службу [1]), и на страницы „Литературной Газеты“ попало совершенно случайно, — только для того, чтобы заполнить остававшееся пустое мѣсто въ номерѣ: сообщено же оно было бар. Дельвигу кѣмъ-то изъ его знакомыхъ въ письмѣ изъ Парижа [2]). Уже 30-го октября Бенкендорфъ писалъ министру нар. просв. кн. Ливену за № 4222-мъ:

„Милостивый государь, князь Карлъ Андреевичъ! По лежащей на мнѣ прямой обязанности нахожусь принужденнымъ обратить вниманіе Вашей Свѣтлости на нѣкоторыя неумѣстныя статьи, помѣщенныя въ выходящихъ здѣсь періодическихъ изданіяхъ и на небрежность цензуры.—1) Въ 61-мъ нумерѣ „Литературной Газеты“, прилагаемомъ при семъ, помѣщены, ни къ какой статьѣ, четыре стиха Казимира де-ла Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля. Прошу покорнѣйше Вашу Свѣтлость почтить меня увѣдомленіемъ, для доклада Государю Императору, кто именно прислалъ сіи стихи къ напечатанію и какими правилами руководствовался цензоръ, позволивъ напечатать въ русской газетѣ, *на французскомъ языкѣ*, стихи, коихъ содержаніе, мягко сказать, неприлично и можетъ служить поводомъ къ различнымъ неблаговиднымъ толкамъ и сужденіямъ. 2) Въ французскомъ журналѣ: „Le Furet“ помѣщаются часто статьи совершенно неумѣстныя, какъ, напримѣръ, въ прилагаемомъ при семъ [86] нумерѣ, статья: „Le Prince Royal de France à l'auberge“. Не благоугодно-ли будетъ Вашей Свѣтлости приказать, чтобы на сіе обращено было особенное вниманіе цензуры.— 3) г. Цензору Семенову должно быть извѣстно, что по приказанію моему сообщаются издателямъ „Сѣверной Пчелы“, для помѣщенія въ ихъ газетѣ, разныя офиціяльныя свѣдѣнія и статьи. Между тѣмъ г. Семеновъ, къ крайнему моему удивленію, позволилъ напечатать въ „Литературной газетѣ“ замѣчанія о мнимой будто бы ложности сихъ извѣстій [3]). Сіе

---

[1]) Онъ занялъ мѣсто Сербиновича, назначеннаго въ іюлѣ мѣсяцѣ начальникомъ 3-го отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія (см. дѣла ценз. комитета—№№ 62 и 69); цензуровать же „Литературную Газету“ Семеновъ началъ съ 46 № ея—отъ 14-го августа.

[2]) *Бар. А. И. Дельвигъ*: „Мои воспоминанія“ I т., 111 стр.

[3]) Въ 59 № „Литературной Газеты“ отъ 18-го октября была помѣщена рецензія на книжку проф. Н. П. Щеглова: „Краткое наставленіе о употребленіи хлористыхъ соединеній, для предохраненія... отъ заразитель-

кажется мнѣ неприличнымъ, ибо ослабляетъ довѣріе публики къ извѣстіямъ, кои правительство находитъ нужнымъ сообщать къ ея успокоенію.—Въ ожиданіи благосклоннаго Вашего отвѣта, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ... А. Бенкендорфъ“ [1]).

Кн. Ливенъ въ отношеніи отъ 31-го октября—за № 399-мъ—сообщилъ содержаніе письма Бенкендорфа попечителю округа и просилъ его во 1) потребовать объясненія отъ издателя „Литературной Газеты“ и отъ цензора Семенова, во 2) сдѣлать распоряженіе по поводу неумѣстныхъ статей „Le Furet“ и въ 3) „поставить на видъ Семенову неприличіе дозволенія“ замѣтки „Литературной Газеты“, указывавшей на недостовѣрность оффи-

---

ныхъ и зловонныхъ веществъ“ (Спб., 1830 г.), восхвалявшая Щеглова за безплатное распространеніе этой книги и за безплатную же раздачу хлористыхъ соединеній, приготовленныхъ имъ въ лабораторіи университета; въ послѣсловіи къ рецензіи приводился отрывокъ письма изъ Астрахани отъ 18 сент., гдѣ сообщалось, что въ замѣткѣ „Сѣверной Пчелы“ (отъ 28 авг.—103 №) о холерной эпидеміи въ Поволжьѣ сильно преувеличены размѣры эпидеміи въ Астрахани: доказывалъ это авторъ письма точными данными „офиціальныхъ бумагъ“. Въ заключеніи,—послѣ отрывка изъ письма,—замѣчалось: „жаль, что непростительно пугаютъ робкихъ слушателей и читателей преувеличенными ужасами; тогда какъ въ настоящемъ самыя предписанія врачей совѣтуютъ всѣмъ спокойствіе духа и остерегаютъ отъ страха и унынія“.—Издатели „Сѣверной Пчелы“ отвѣчали „увѣдомленіемъ“ (въ 126 № отъ 21 октября), гдѣ, нападая, по своему обыкновенію, на „брань и нелитературныя выходки... такъ называемой „Литературной Газеты“, извѣщали, что „они не помѣщаютъ въ своей газетѣ никакихъ *частныхъ* увѣдомленій о ходѣ и распространеніи холеры, а печатаютъ одни тѣ извѣстія, которыя сообщаются имъ *офиціяльно* высшимъ правительствомъ, извлеченныя изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ“... Попутно высказывалось сомнѣніе въ самомъ существованіи письма, цитированнаго въ „Литературной Газетѣ“. Закончилась полемика замѣткой въ 60 № „Литературной Газеты“ отъ 23 окт., гдѣ издатель ея приглашалъ „издателей „С. Пчелы“ собственными глазами убѣдиться въ достовѣрности и офиціальности сего письма“.

[1]) Архивъ министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1830 г., карт. XIV,—№ 146974. „Дѣло по отношенію ген.-адъют. Бенкендорфа о четырехъ стихахъ, помѣщенныхъ въ „Литературной Газетѣ“, соч. Казимира де-ла Винь. Тутъ же о запрещеніи изданія „Литературной Газеты“ и о позволеніи продолжать оную г. Сомову“. Нач. 31 окт., конч. 15 дек.—О содержаніи заключающихся въ дѣлѣ объясненій Семенова и бар. Дельвига и переписки Бенкендорфа съ кн. Ливеномъ даетъ скудныя свѣдѣнія В. В. Стасовъ, но не указываетъ источника ихъ („Русская Старина“ 1901 г. IX кн., 662 стр.). См. также *Д. Кобеко*: „Императ. Царскосельскій Лицей“ (Спб., 1911 г.), 318—320 стр.

ціальныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ „Сѣверной Пчелой“ [1]). Попечитель въ тотъ же день писалъ барону Дельвигу, за № 239-мъ:

„Милостивый государь мой Антонъ Антоновичь! г. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, въ отношеніи къ г. министру народнаго просвѣщенія отъ сего 30 октября, изъяснивъ, что въ № 61 „Литературной Газеты“ помѣщены ни къ какой статѣ четыре стиха Казимира де-ла Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27, 28 и 29 іюля, проситъ объ увѣдомленіи для доклада Государю Императору, кто именно прислалъ сіи стихи къ напечатанію и какими правилами руководствовался цензоръ, позволивъ напечатать въ русской газетѣ стихи на французскомъ языкѣ, коихъ содержаніе (мягко сказать) неприлично и можетъ служить поводомъ къ различнымъ неблаговиднымъ толкамъ и сужденіямъ. Въ слѣдствіе сего я васъ покорнѣйше прошу, милостивый государь мой, доставить въ скорѣйшемъ времени по сему случаю объясненіе для донесенія г. министру народнаго просвѣщенія. Съ истиннымъ почтеніемъ... К. Бороздинъ“ [2]).

Бар. Дельвигъ отвѣчалъ того же „октября 31-го дня 1830 года“:

„Милостивый Государь Константинъ Матвѣевичь! На почтеннѣйшее отношеніе Вашего Превосходительства за № 239 симъ имѣю честь отвѣтствовать, что четыре стиха извѣстнаго Французскаго Поэта Казимира де-ла Виня, напечатанные въ № 61 издаваемой мною „Литературной Газеты“ и подавшіе поводъ къ запросу г. Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа, доставлены мнѣ отъ неизвѣстнаго, какъ произведеніе поэзіи, имѣющее достоинство новости. А какъ „Литературная Газета“ имѣетъ въ виду сообщать единственно новости чисто-литературныя, безъ всякаго ихъ примѣненія къ обстоятельствамъ или отношеніямъ какимъ бы то ни было; что читатели могли замѣтить изъ доселѣ вышедшихъ №№ оной; то я и представилъ сіе четверостишіе на разсмотрѣніе цензуры, закон-

---

[1]) Архивъ Петрогр. унив. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 69. „Дѣло о службѣ сторонняго цензора Спб. ценз. комитета колл. асс. Василія Семенова“. Нач. 28 іюля 1830 г., конч. 26 апр. 1836 г.

[2]) Ibid.—№ 98. „Дѣло по предписанію г. министра нар. просв. о пропущенныхъ къ напечатанію г. цензоромъ Семеновымъ 4-хъ стиховъ на франц. языкѣ Казимира де-ла Виня въ 61 № „Литературной Газеты“ и журнала „La Furet“ статьи въ № 86“. Нач. 31 окт., конч. 14 дек.

нымъ порядкомъ, бывъ убѣжденъ, что въ немъ ничего нѣтъ противнаго Цензурному Уставу.—Доводя сіе до свѣдѣнія Вашего Превосходительства съ соверш. почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою—Баронъ А. Дельвигъ“ [1]).

Въ тотъ же день оффиціальнымъ отношеніемъ за № 240 Бороздинъ потребовалъ объясненій и отъ цензора Семенова, приславшаго слѣдующее „донесеніе“:

„По поводу отношенія г. Ген.-адъют. Бенкендорфа къ Его Свѣтлости г. министру нар. просв. отъ 30-го окт. сего года о дозволенныхъ мною къ напечатанію въ № 61 „Литературной Газеты“ четырехъ франц. стиховъ, долгомъ поставляю донести Вашему Превосходительству, что въ сихъ стихахъ, сочиненныхъ Казимиромъ де-ла Винемъ, по чистой совѣсти не нашелъ я ничего противнаго законамъ отечественнымъ и правиламъ цензурнымъ, и сіе тѣмъ болѣе, что смерть людей, на памятникъ коихъ предположено сдѣлать сію надпись, сопряжена съ новымъ правительствомъ Франціи, которое, сколько извѣстно по офиціальнымъ статьямъ вѣдомостей, признано Россіею и прочими державами Европы. Притомъ я никакъ не предполагалъ и не предполагаю, чтобы сіи стихи могли сколько-нибудь [быть] примѣнены къ Россіи, которая, блаженствуя подъ скиптромъ мудраго Монарха, находится въ совершенно другихъ отношеніяхъ, нежели Франція. Что же касается до самаго дозволенія печатать въ русскомъ журналѣ стихи на иностранныхъ языкахъ: то въ таковомъ дозволеніи я никакъ не смѣлъ отказать издателю, ибо ни однимъ § устава о цензурѣ сіе не воспрещается. Въ заключеніе долгомъ поставляю увѣрить Ваше Превосходительство, что, руководствуясь въ исполненіи моей должности правилами, въ уставѣ цензуры изложенными, и внушеніями сердца, благоговѣющаго предъ престоломъ Монарха Великаго, не разъ мнѣ благодѣтельствовавшаго, и исполненнаго любви и признательности къ правительству, меня воспитавшему, я никогда не дозволю себѣ какихъ-либо мыслей и чувствъ, не согласныхъ съ сими побужденіями, руководящими меня на поприщѣ жизни гражданской и общественной.—Цензоръ Василій Семеновъ,

---

[1]) Ibid—копія. Подлинники объясненій Семенова и бар. Дельвига были препровождены къ Бенкендорфу, — копіи же имѣются и при дѣлѣ Главнаго управленія цензуры—№ 146974. Полный текстъ письма бар. А. А. Дельвига печатается впервые.

31 октября 1830 г.“ [1]). Бороздинъ препроводилъ 1-го ноября подлинники объясненій къ министру, а тотъ 1-го же переслалъ ихъ Бенкендорфу при письмѣ за № 400-мъ.

„Милостивый государь Александръ Христофоровичъ! Въ слѣдствіе отношенія Вашего Высокопревосходительства отъ 30-го минувшаго октября—№ 4222-й,—я предписывалъ г. попечителю Спб. учебн. округа истребовать объясненія отъ издателя „Литературной Газеты“, кто именно прислалъ ему франц. стихи Казимира де-ла-Виня, напечатанные въ № 61 сей газеты, и отъ цензора Семенова, какими правилами руководствовался, позволивъ напечатать сіи франц. стихи въ русской газетѣ. Получивъ нынѣ отъ г. попечителя вышесказанныя объясненія, имѣю честь въ подлинникахъ препроводить при семъ оныя къ Вашему Высокопревосходительству, и почитаю долгомъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что я поставилъ также на видъ цензурѣ неприличіе дозволенія къ напечатанію въ журналѣ: „Le Furet“ статьи, означенной въ вышеупомянутомъ отношеніи Вашего Высокопревосходительства. Что касается до позволеннаго цензоромъ Семеновымъ въ „Литературной Газетѣ“ возраженія относительно свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, то, вслѣдствіе сдѣланнаго мною о семъ замѣчанія, г. цензоръ Семеновъ объяснилъ, что кромѣ частнаго показанія издателя „Пчелы“, на которомъ цензоръ не могъ основаться, онъ не имѣлъ доселѣ ни чрезъ какое официальное предписаніе начальства свѣдѣній, что вышеозначенныя статьи сообщаются по приказанію Вашего Высокопревосходительства; чему я тѣмъ болѣе долженъ дать вѣру, что таковое распоряженіе и мнѣ было неизвѣстно.—Возвращая при семъ листки франц. журнала „Furet“ № 86 и „Литературной Газеты“ № 61, честь имѣю быть... князь Карлъ Ливенъ“ [2]).

Въ засѣданіи 3-го ноября Главное управленіе цензуры выслушало и приняло къ свѣдѣнію сообщеніе кн. Ливена „о нѣкоторыхъ упущеніяхъ цензуры“, замѣченныхъ Бенкендорфомъ [3])

[1]) В. Н. Семеновъ былъ почти товарищемъ бар. Дельвига и Пушкина по лицею (II-го курса—выпуска 1820 г.; см. *Кобеко*: „И. Царскосельскій Лицей“, 120 и 506 стр.).—Бар. А. И. Дельвигъ разсказываетъ (I т. 112 стр.), что Семеновъ извинялся [передъ бар. А. А. Дельвигомъ?] въ пропускѣ четверостишія тѣмъ, что, хорошо зная о направленіи Дельвига, который никогда не подведетъ цензора подъ отвѣтственность, не обратилъ вниманія на то, что четверостишіе относилось къ послѣдней французской революціи, а не къ революціи прошедшаго столѣтія“.

[2]) Цензурное дѣло архива министерства нар. просв.—№ 146974: копія.

[3]) Ibid.

а на слѣдующій день въ засѣданіи цензурнаго комитета Бороздинъ ознакомилъ членовъ его съ ходомъ дѣла и „предложилъ комитету имѣть наблюденіе и осмотрительность, дабы, согласно съ предписаніемъ Его Свѣтлости, какъ вообще неумѣстныхъ какихъ-либо статей, такъ и въ особенности ослабляющихъ довѣріе публики къ оффиціальнымъ извѣстіямъ, отнюдь допускаемо къ напечатанію не было“ [1]). Въ томъ же засѣданіи цензурнаго комитета 4-го ноября—цензоръ Семеновъ, не ожидая выясненія результатовъ возбужденнаго дѣла, просилъ, „дабы въ облегченіе его при разсматриваніи разныхъ повременныхъ сочиненій, благоволено было поручить кому-нибудь другому изъ г. г. цензоровъ разсматриваніе „Литературной Газеты“: рѣшено было опять поручить это Щеглову [2]).

Бенкендорфъ не удовлетворился, конечно, объясненіемъ бар. Дельвига,—тѣмъ болѣе, что не далѣе, какъ въ концѣ августа, онъ уже вызывалъ его къ себѣ, чтобы сдѣлать строгій выговоръ за помѣщенную въ 45 № „Литературной Газеты“ анонимную замѣтку Пушкина: „Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи“... И на этотъ разъ бар. А. А. Дельвигъ получилъ „приглашеніе“ явиться въ III-е отдѣленіе. Объ этомъ свиданіи его съ Бенкендорфомъ,—равно, какъ и о первомъ,—разсказываетъ двоюродный братъ поэта—бар. А. И. Дельвигъ, очень близкій тогда къ нему и даже принимавшій фактическое участіе въ хлопотахъ по изданію „Литературной Газеты“ [3]):

„Въ ноябрѣ Бенкендорфъ снова потребовалъ къ себѣ Дельвига, который введенъ былъ къ нему въ кабинетъ въ присутствіи жандармовъ. Бенкендорфъ самымъ грубымъ образомъ обратился къ Дельвигу съ вопросомъ: „Что ты опять печатаешь недозволенное“?—Выраженіе „ты“ вмѣсто общеупотребительнаго „вы“ не могло съ самаго начала этой сцены не подѣйствовать весьма непріятно на Дельвига. Послѣдній отвѣчалъ, что о сдѣланномъ

---

[1]) Архивъ Министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1830 г., карт. XIV—№ 146973. „Дѣло по представленіямъ комитетовъ цензуры внутренней съ препровожденіемъ реэстровъ одобреннымъ рукописямъ и книгамъ и выписокъ изъ журналовъ ихъ засѣданій“. Нач. 8-го окт. 1830 г.—конч. 16-го февр. 1831 года.

[2]) Архивъ Петрогр. унив. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 55. „Дѣло о разсматриваніи г.г. цензорами разныхъ журналовъ и повременныхъ сочиненій въ 1830 г.“ Нач. 13-го мая—конч. 4-го ноября.

[3]) Онъ читалъ, напр., иногда корректуры газеты вмѣсто заболѣвшаго брата: см. его воспоминанія—I т., 99 стр.

распоряженіи не печатать ничего, относящагося до послѣдней французской революціи, онъ не зналъ и что въ напечатанномъ четверостишіи, за которое онъ подвергся гнѣву, нѣтъ ничего недозволительнаго для печати. Бенкендорфъ объяснилъ, что онъ газеты, издаваемой Дельвигомъ, не читаетъ; и когда послѣдній, въ доказательство своихъ словъ, вынувъ изъ кармана померъ газеты, хотѣлъ прочесть четверостишіе, Бенкендорфъ его до этого не допустилъ, сказавъ, что ему все равно, что бы не было напечатано, и что онъ троихъ друзей: Дельвига, Пушкина и Вяземскаго уже упрячетъ если не теперь, то вскорѣ, въ Сибирь. Тогда Дельвигъ спросилъ, въ чемъ же онъ и двое другихъ, названныхъ Бенкендорфомъ, могли провиниться до такой степени, что должны вскорѣ подвергнуться ссылкѣ, и кто можетъ дѣлать такіе ложные доносы. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что Дельвигъ собираетъ у себя молодыхъ людей, при чемъ происходятъ разговоры, которые возстановляютъ ихъ противъ правительства, и что на Дельвига донесъ человѣкъ, хорошо ему знакомый. Когда Дельвигъ возразилъ, что собирающееся у него общество говоритъ только о литературѣ, что большая часть бывающихъ у него посѣтителей или старѣе его, или однихъ съ нимъ лѣтъ, такъ какъ ему всего 32 года отъ роду, и что онъ между знакомыми своими не находитъ никого, кто бы могъ рѣшиться на ложные доносы, Бенкендорфъ сказалъ, что доноситъ Булгаринъ и если онъ знакомъ съ Бенкендорфомъ, то можетъ и подавно быть знакомъ съ Дельвигомъ. На возраженіе послѣдняго, что Булгаринъ у него никогда не бываетъ, а потому онъ его не считаетъ своимъ знакомымъ и полагаетъ, что Бенкендорфъ считаетъ Булгарина своимъ агентомъ, а не знакомымъ, Бенкендорфъ раскричался и выгналъ Дельвига словами: „Вонъ, вонъ, я упрячу тебя съ твоими друзьями въ Сибирь“ [1])...

Слѣдствіемъ этой сцены было письмо Бенкендорфа къ кн. Ливену отъ 8 ноября—за № 4328-мъ:

„Милостивый государь, князь Карлъ Андреевичъ! Получивъ при отношеніи Вашей Свѣтлости объясненіе издателя „Литературной Газеты“, касательно до помѣщенныхъ въ 61 нумерѣ сей газеты стиховъ Казимира де-ла Виня, я долженъ признаться предъ Вами, милостивый государь, что нахожу сіе объясненіе не только недостаточнымъ, но даже непростительнымъ для человѣка, коему сдѣлано довѣріе издавать журналъ.

---

[1]) „Мои воспоминанія“—I т., 111—112 стр.

Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ семъ моемъ заключеніи.— Можно ли назвать „чисто-литературною“ новостію, „безъ всякаго примѣненія къ обстоятельствамъ“, стихи, при напечатаніи коихъ издатель самъ помѣстилъ слѣдующее замѣчаніе: „Вотъ новые четыре стиха Казимира де-ла Виня, *на памятникъ* [1]), который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть *жертвамъ 27, 28 и 29 іюля*“ [1]).—Предоставляю сіе собственному суду Вашей Свѣтлости.—Между тѣмъ, не осмѣлился я еще довести о семъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія Государя Императора, ибо Его Величество непремѣнно желаетъ знать, кто именно представилъ сіи стихи къ напечатанію? По сему уваженію, обращаюсь вновь съ покорнѣйшею просьбою къ Вамъ, милостивый государь, почтить меня увѣдомленіемъ о Вашемъ заключеніи, дабы я уже согласно съ онымъ могъ всеподданнѣйше донести Его Императорскому Величеству.—Съ совершеннымъ почтеніемъ... А. Бенкендорфъ“ [2]).

Давленіе въ сторону репрессіи было слишкомъ очевидно, и кн. Ливену пришлось первому высказать мысль о закрытіи „Литературной Газеты“—въ отвѣтномъ письмѣ отъ того же 8 ноября, за № 404-мъ:

„Милостивый государь Александръ Христофоровичь! На отношеніе Вашего Высокопревосходительства отъ 8-го сего ноября, № 4328-й, имѣю честь отвѣтствовать, что, по полученіи перваго отношенія Вашего отъ 30-го минувшаго октября, я, согласно оному, потребовалъ объясненія въ разсужденіи извѣстныхъ стиховъ де-ла Виня, какъ отъ издателя „Литературной Газеты“, такъ и отъ цензора, разсматривавшаго оную; и какъ дѣло о семъ дошло уже до Вашего Высокопревосходительства и Вы имѣли намѣреніе доложить о семъ Государю Императору, то я не полагалъ отъ себя никакого заключенія и счелъ обязанностію моею ограничиться только доставленіемъ оныхъ отзывовъ въ подлинникѣ, ожидая, какъ Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ рѣшить сіе дѣло.—Съ моей стороны я совершенно согласенъ съ заключеніемъ Вашего Высокопревосходительства, что помянутые стихи, по содержанію оныхъ, не слѣдовало печатать въ „Литературной Газетѣ“, тѣмъ болѣе, что на основаніи устава о цензурѣ журналистъ не можетъ

---

[1]) Курсивъ Бенкендорфа.

[2]) Дѣло архива Министерства нар. просв.—№ 146974.

включать въ составъ своего изданія статьи и свѣдѣнія, относящіяся къ политикѣ, иначе, какъ по полученіи на то особаго Высочайшаго соизволенія. Посему объясненіе г. издателя „Литературной Газеты“ ни мало не оправдываетъ его и представляетъ неудовлетворительное извиненіе. Такъ какъ Ваше Высокопревосходительство изволите требовать моего по сему предмету мнѣнія, то я полагаю, что за нарушеніе вышеозначеннаго правила надлежитъ воспретить г. Издателю продолжать изданіе „Литературной Газеты“.—Цензоръ, дозволившій напечатаніе упомянутыхъ стиховъ, конечно, не можетъ быть оправданъ; но какъ доселѣ, сколько я зналъ его по службѣ, онъ всегда старался исполнять свои обязанности въ точности: то пропускъ помянутыхъ стиховъ я не могу приписать ничему иному, какъ необдуманной поспѣшности. Сообщая сіе мнѣніе мое, съ совершеннымъ почтеніемъ... князь Карлъ Ливенъ“ [1]).

Получивъ, наконецъ, желаемое „мнѣніе“ министра, Бенкендорфъ представилъ его Государю, а результаты сообщалъ 13-го ноября въ письмѣ за № 4393-мъ:

„Милостивый государь, князь Карлъ Андреевичь! Почтеннѣйшее отношеніе Вашей Свѣтлости о цензорѣ Семеновѣ и издателѣ „Литературной Газеты“ баронѣ Дельвигѣ, по случаю напечатанныхъ въ сей газетѣ стиховъ Казимира де-ла Виня, доводилъ я всеподданнѣйше до свѣдѣнія Государя Императора; и Его Величество, согласно съ заключеніемъ Вашей Свѣтлости, Высочайше повелѣть изволилъ: „Семенову сдѣлать строгій выговоръ, а Дельвигу запретить изданіе газеты“. Извѣщая о семъ Высочайшемъ повелѣніи Васъ, милостивый государь, для должнаго исполненія, имѣю честь быть... А. Бенкендорфъ“ [2]).

На слѣдующій день кн. Ливенъ сообщилъ о Высочайшей резолюціи попечителю округа [3]), который 15-го ноября писалъ „г. коллежскому ассесору барону Дельвигу“ за № 255-мъ:

„г. Министръ народнаго просвѣщенія извѣстилъ меня, отъ 14-го текущаго ноября за № 1197, что г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ объявилъ ему Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о запрещеніи издавать Вамъ „Литературную Газету“.—Сообщая Вамъ о таковой Высочайшей волѣ Государя Императора, покорнѣйше прошу увѣдомить меня о полученіи сего сообщенія. При чемъ нужнымъ почитаю при-

---

[1]) Ibid.—копія.

[2]) Ibid.

[3]) Дѣло ценз. комитета о службѣ Семенова—№ 69.

соединить, что я, съ своей стороны, увѣдомилъ объ ономъ такъ же г. цензора, разсматривавшаго вашу газету, дабы номера, слѣдующіе къ изданію послѣ сего числа, пропускаемы имъ не были.—Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа К. Бороздинъ“ [1]).

Бар. Дельвигъ отвѣчалъ:

„Милостивый Государь Константинъ Матвѣевичь.—Объявленное мнѣ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о запрещеніи мнѣ издавать „Литературную Газету“ я получилъ, и о семъ честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство, пребывая къ вамъ съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшею преданностію, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Баронъ А. Дельвигъ. 15-го ноября 1830 года“ [2]).

Въ тотъ же день попечитель сообщилъ кн. Ливену, что бар. Дельвигъ и Семеновъ извѣщены, а изданіе „Литературной Газеты“ пріостановлено [3]),—въ засѣданіи же цензурнаго комитета 18-го ноября ознакомилъ съ результатами возбужденнаго дѣла членовъ комитета. Главное управленіе цензуры въ засѣданіи своемъ 25-го ноября также выслушало сообщеніе Бенкендорфа о Высочайшей резолюціи и приняло ее къ свѣдѣнію, „поелику надлежащее исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія уже сдѣлано въ свое время“ [4]).

Между тѣмъ, бар. Дельвигъ, глубоко оскорбленный безцеремонной грубостью Бенкендорфа и возмущенный несправедливымъ запрещеніемъ изданія „Литературной Газеты“, рѣшилъ подать жалобу Государю; только послѣ долгихъ уговоровъ отказался онъ отъ своей мысли: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Блудовъ [5]) нѣсколько разъ пріѣзжалъ отговаривать его, говоря, что „можно жаловаться Государю на всѣхъ, даже на самого Государя, но не на Бенкендорфа“, и что подобная жалоба поведетъ Дельвига только къ большимъ непріятностямъ, а онъ, имѣя жену и дочь, обязанъ ихъ избѣгать. Блудовъ при

---

[1]) Дѣло ценз. комитета—№ 98, копія.

[2]) Ibid.—автографъ бар. А. А. Дельвига.

[3]) Архивъ Министерства нар. просв.—дѣло № 146974.

[4]) Ibid.—дѣло № 146973.

[5]) Гр. Дм. Никол. Блудовъ (1785—1864)—извѣстный государств. дѣятель и основатель литературнаго общества: „Арзамасъ“,—впослѣдствіи—предсѣдатель Госуд. Совѣта и президентъ Академіи Наукъ; принималъ участіе въ работахъ по подготовкѣ освобожденія крестьянъ и стоялъ за безплатное надѣленіе ихъ землею.

этомъ бралъ на себя объяснить все Бенкендорфу и довести его до того, что онъ пріѣдетъ извиниться передъ Дельвигомъ и что дозволено будетъ продолжать изданіе „Литературной Газеты“ [1]). Скоро, дѣйствительно, отъ Бенкендорфа явился чиновникъ III-го отдѣленія, сообщившій, что самъ Бенкендорфъ не могъ пріѣхать по нездоровью, а прислалъ его извиниться въ своей горячности при объясненіи съ Дельвигомъ. Бенкендорфъ сообщалъ также, что изданіе „Литературной Газеты“ будетъ разрѣшено, но только подъ редакціей Сомова, т. к. уже состоялось Высочайшее повелѣніе о запрещеніи бар. Дельвигу продолжать изданіе [2]). Бар. Дельвигъ передалъ тогда оффиціально свои права на изданіе Сомову слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый Государь Орестъ Михайловичь! По разпоряженію Высшаго Начальства, сообщено мнѣ запрещеніе издавать „Литерат. Газету“; но какъ запрещеніе сіе относится лично ко мнѣ, а не къ изданію помянутой газеты отъ другихъ лицъ, то я, сообразно изъявленному Вами желанію, предоставляю Вамъ право испрашивать позволеніе на изданіе оной Газеты отъ Вашего имени. Вмѣстѣ съ симъ, передаю Вамъ всѣ сдѣлки по оному изданію, счеты съ типографіей и бумажною фабрикой Дѣйствительной Статской Совѣтницы Кайдановой, требованія Газетной Экспедиціи С-Петербургскаго Почтамта, съ именами подписчиковъ на сей и на будущій 1831-й годъ; во всѣхъ же понесенныхъ мною издержкахъ, признаю себя вполнѣ отъ Васъ удовлетвореннымъ.—Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугой—Баронъ Дельвигъ.—1830 года, 19 ноября“ [3]).

Сомовъ представилъ это письмо попечителю округа Бороздину вмѣстѣ съ своимъ прошеніемъ:

„По предоставленному мнѣ отъ Надворнаго Совѣтника [4]) Барона Дельвига праву, желаю я продолжать изданіе „Литерат. Газеты“ отъ моего имени; почему всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство позволить мнѣ продолжать изданіе оной Газеты, утвердивъ за мною права и обязанности отвѣтствую-

---

[1]) *Бар. А. И. Дельвигъ*: „Мои воспоминанія“—I т., 115 стр.

[2]) Ibid.—116 стр.

[3]) Автографъ этого письма, печатаемаго впервые, сохранился въ дѣлѣ архива Министерства нар. просв.—№ 146974.

[4]) Бар. А. А. Дельвигъ служилъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ (съ 1829 г.—въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій) и, повидимому, именно въ это время получилъ чинъ „надворнаго совѣтника“.

щаго издателя.—Дворянинъ Орестъ Сомовъ.—Ноября 24 дня 1830-го года“ [1]).

Бороздинъ 24-го же препроводилъ прошеніе Сомова и письмо барона Дельвига къ министру народнаго просвѣщенія при отношеніи за №262-мъ: изложивъ просьбу Сомова и указавъ, что, по его мнѣнію, Высочайшее повелѣніе дѣйствительно относится къ бывшему издателю, а не къ самой газетѣ, онъ спрашивалъ, „благоугодно ли будетъ предписать комитету о выдачѣ г. Сомову просимаго имъ дозволенія“? [2]) Представленіе это, содержаніе коего Бороздинъ сообщилъ членамъ цензурнаго комитета въ засѣданіи 25-го ноября [3]), 25-го же разсматривалось въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры [4]),—но лишь 1-го декабря, повидимому послѣ переговоровъ съ Бенкендорфомъ, кн. Ливенъ отвѣчалъ попечителю округа, за № 431-мъ, что „Главное управленіе цензуры, принявъ въ уваженіе, что прекращеніе изданія „Литературной Газеты“ оставило бы неудовлетворенными подписчиковъ на оную, согласилось на дозволеніе дворянину О. Сомову продолжать сіе повременное изданіе“ [5]). Въ засѣданіи цензурнаго комитета 9-го декабря предписаніе министра было выслушано [6]), а 12 дек. Бороздинъ писалъ, за № 285-мъ, въ Главное управленіе цензуры, что комитетъ постановилъ „выдать позволеніе г. Сомову“ [7]). Въ письмѣ отъ 14-го дек., № 289, цензоръ Бутырскій сообщилъ и Сомову о согласіи Главнаго управленія цензуры на продолженіе имъ изданія „Литературной Газеты“ и о предоставленіи цензурованія ея Щеглову [8]).

Наконецъ, въ засѣданіи своемъ 15-го декабря, Главное управленіе цензуры выслушало сообщеніе попечителя о „выдачѣ позволенія Сомову“, приняло его къ свѣдѣнію и этимъ кончило дѣло [9]).

---

[1]) Прошеніе—автографъ Сомова: сохранилось въ дѣлѣ архива Минист. нар. просв. № 146974.

[2]) Ibid.

[3]) Дѣло ценз. комитета № 98.

[4]) Дѣло архива Мин. нар. просв.—№ 146974.

[5]) Дѣло ц. ком.—№ 98.

[6]) Ibid.

[7]) Дѣло арх. М. н. пр.—№ 146974.

[8]) Дѣло ц. ком. № 98—копія.

[9]) Дѣло арх. М. н. пр.—146974.—Дѣло о стихахъ Казимира Делавиня вызвало одинъ изъ цензурныхъ „анекдотовъ“: въ началѣ 1831 г. Главное управленіе цензуры запретило по представленію ценз. комитета статью (стих.?): „Обелискъ“; мотивировалось запрещеніе въ представленіи коми-

Эпизодъ съ злополучнымъ четверостишіемъ не только вызвалъ запозданіе послѣднихъ №№ „Литературной Газеты“ за 1830-й г. [1]), но подѣйствовалъ и на здоровье бар. Дельвига: потрясенный грубой выходкой Бенкендорфа, „онъ, всегда хворый и постоянно принимающій лѣкарства, заболѣлъ сильнѣе прежняго, такъ что пользовавшій его докторъ запретилъ ему выходить изъ дома. Нравственное состояніе Дельвига было самое грустное. Онъ впалъ въ апатію, не хотѣлъ никого видѣть, кромѣ самыхъ близкихъ, и принималъ постороннихъ лицъ весьма рѣдко“. Появились въ домѣ даже карты, не допускавшіяся ранѣе [2]). Вскорѣ присоединилась еще простуда, и 14-го января 1831-го года бар. А. А. Дельвига не стало.

Выписки изъ журналовъ засѣданій Спб. цензурнаго комитета, сохранившіяся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, даютъ возможность возстановить исчезнувшее дѣло цензурнаго комитета, освѣщающее любопытный фактъ изъ жизни О. М. Сомова, неизвѣстный его біографамъ [3]). Нѣсколько загадочная личность этого малоросса еще мало освѣщена, а между тѣмъ онъ игралъ въ свое время довольно значительную роль въ русской журналистикѣ. Его малороссійскія повѣсти (напр.,

---

тета тѣмъ, что „можетъ быть сочинитель разумѣетъ подъ онымъ какой-либо обелискъ во Франціи, въ память послѣднихъ переворотовъ: въ такомъ случаѣ статья подлежитъ запрещенію на томъ же основаніи, на какомъ начальство признало непозволительными стихи Казимира де-ла Виня“. Такая „дальновидность“ цензоровъ была слѣдствіемъ Высочайшей резолюціи, объявленной комитету министровъ 10-го января 1831 г.: „Министру нар. просв. велѣть подтвердить цензорамъ быть осторожнѣе, ибо съ нѣкоторыхъ поръ во всѣхъ журналахъ, не исключая даже „Академическихъ Вѣдомостей“, проскакиваютъ неприличныя и даже часто весьма дерзкія статьи. Впредь министръ нар. просв. за сіе отвѣчаетъ“ („Русская Стар.“ 1903 г. II кн., 307—310 стр.).

[1]) №№ 65—69 опаздывали на 3 недѣли, а 70—72 вышли уже послѣ появленія первыхъ номеровъ „Литературной Газеты“ за 1831 г.

[2]) *Бар. А. И. Дельвигъ*: „Мои воспоминанія“ I т. 116 стр.; „Воспоминанія и критич. очерки“ Анненкова—III т., 233 стр. и дневникъ Никитенко СПБ., 1904 г. 2-ое изд., I т.—207 стр. (запись отъ 28 янв. 1831 г.).

[3]) Наиболѣе богата фактическимъ матеріаломъ,—къ сожалѣнію, мало изслѣдованнымъ,—работа С. Н. Браиловскаго: „Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ.—Орестъ Михайловичъ Сомовъ“ („Русскій Филологич. Вѣстникъ“ 1909 г. и отдѣльно: Варшава, 1909 г., 1—151 стр.). Библіографію о Сомовѣ см. въ замѣткѣ В. И. Маслова: „Къ біографіи Сомова“ („Чтенія въ общ. Нестора лѣтописца“—XXII кн., 1—2 вып.—и отдѣльно: „Библіографич. замѣтки“—Кіевъ, 1913 г.).

„Гайдамаки“) читались съ удовольствіемъ, а стиль его произведеній и переводовъ не разъ ставился въ примѣръ многимъ его современникамъ. Повидимому, не безъ его вліянія появились въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ и въ „Литературной Газетѣ“ первыя печатныя строки Гоголя [1]).—Вѣчно необезпеченный, Сомовъ сотрудничаетъ въ изданіяхъ Булгарина и Греча, пишетъ критическія статьи противъ бар. Дельвига и т. п., но въ то же время находится въ близкихъ отношеніяхъ съ вождями декабрьскаго движенія—К. О. Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ), и послѣдній даже живетъ вмѣстѣ съ нимъ [2]); къ концу 1820-хъ г.г. онъ окончательно разрываетъ отношенія съ Булгаринымъ, сближается съ бар. Дельвигомъ и его друзьями и всѣхъ заставляетъ полюбить „добрѣйшаго Ореста Михайловича“; въ 1831 г. онъ начинаетъ сотрудничать въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду“ А. Ѳ. Воейкова (подъ псевд. „Никита Луговой“), хотя тотъ же Воейковъ постоянно нападалъ на него въ своемъ „Славянинѣ“, особенно въ 1830 г. Такое отсутствіе опредѣленныхъ воззрѣній біографъ Сомова объясняетъ его „природной мягкостью, слабохарактерностью и нуждой въ деньгахъ“ [3]). Матеріальные разсчеты не разъ портили отношенія Сомова съ его знакомыми, напр.—съ Пушкинымъ, при изданіи „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ на 1832-й г.; приводимая выписка изъ журнала засѣданія Спб. цензурнаго комитета 9-го января 1831 г. также раскрываетъ послѣдствія одной его неудачной сдѣлки: „Слушали,—гласитъ эта выписка, — прошеніе дворянина Ореста Сомова отъ 7-го генваря текущаго года, въ которомъ изъяснено, что въ № 69 „Литературной Газеты“ онъ помѣстилъ начало сочиненной имъ повѣсти: „Исполинскія горы“ и къ удивленію его нашелъ отрывокъ сей же повѣсти въ 1-мъ № „Петербургскаго Вѣстника“, издаваемаго г. Аладьинымъ [4]); а какъ онъ не давалъ г. Аладьину права на печатаніе или перепечатаніе статьи сей, въ какомъ бы то ни было журналѣ, то

---

[1]) См. „Библіографич. замѣтки“ В. И. Маслова, отд. изданіе, 17—18 стр.

[2]) *С. Н. Браиловскій*: „О. М. Сомовъ“, отд. изданіе—76 стр.

[3]) Ibid.—144 стр.

[4]) „Санктпетербургскій Вѣстникъ“ Е. В. Аладьина, еженедѣльный „журналъ словесности, театра, новостей и музыки“, выходилъ лишь въ теченіе первой половины 1831 г. Повѣсть: „Исполинскія горы“ напечатана въ первыхъ 3-хъ номерахъ его, что не указано Браиловскимъ въ его перечнѣ произведеній Сомова.

и проситъ цензурный комитетъ запретить издателю „Петербургскаго Вѣстника" г. Аладьину печатать или перепечатывать въ своемъ журналѣ продолженіе помянутой статьи; ибо, въ силу Высочайше утвержденныхъ—устава о цензурѣ и положенія о правахъ сочинителей, въ 22 день апрѣля 1828 г. состоявшагося, никто не имѣетъ права печатать или перепечатывать чужого сочиненія, не предъявивъ законныхъ документовъ, коими право сіе предоставляется ему отъ сочинителя.—§ 4 положенія о правахъ сочинителей гласитъ: „Условія, заключенныя между сочинителями и издателями или книгопродавцами, записываются въ маклерской книгѣ на обыкновенныхъ правилахъ". Въ слѣдствіе сего, какъ г. Аладьинъ не могъ предъявить подобнаго условія съ нимъ—г. Сомовымъ, яко сочинителемъ помянутой статьи, то и права перепечатанія въ своемъ журналѣ статей его не можетъ имѣть; а долженъ быть признанъ, по смыслу § 9 вышеупомянутаго положенія, за контрофактора; почему г. Сомовъ предупреждаетъ цензурный комитетъ, что если онъ—г. Аладьинъ—будетъ продолжать печатаніе сей или другихъ статей его въ своемъ журналѣ, безъ письменнаго его на то согласія, то онъ принужденъ будетъ просить о поступленіи съ нимъ на основаніи § 16 того же положенія о правахъ сочинителей. При семъ Его Превосходительство [Бороздинъ] извѣстилъ комитетъ, что, по распоряженію его, означенное прошеніе г. Сомова препровождено было 8 сего генваря для прочтенія разсматривающему „С.-Петербургскій Вѣстникъ" цензору Гаевскому. Вслѣдствіе чего цензоръ того же числа извѣстилъ Его Превосходительство, что издатель „С.-Пет. Вѣстника"—г. Аладьинъ объявлялъ ему, что повѣсть „Исполинскія горы" пріобрѣтена имъ отъ г. Сомова покупкою; для соображенія чего онъ препроводилъ также письмо къ нему отъ г. Сомова, писанное 3 генваря и полученное имъ—г. цензоромъ—только вечеромъ 7 генваря; поелику же окончаніе означенной повѣсти въ корректурѣ пропущено имъ 7 генваря утромъ, то онъ и не видитъ, съ своей стороны, возможности остановить печатаніе сего листа. Въ заключеніе г. цензоръ полагалъ предоставить г.г. Сомову и Аладьину вѣдаться формою суда, ибо ни цензору, ни комитету не возможно повѣрять сдѣлокъ между авторами и издателями. Засѣданіе комитета усмотрѣло изъ копіи письма г. Сомова къ Аладьину, присланной первымъ къ г. цензору Гаевскому и симъ послѣднимъ представленной комитету, а также изъ подлинной записки г. Сомова къ Аладьину, что условія о статьѣ „Исполинскія горы" между ними дѣйствительно

были; но поелику комитетъ не можетъ входить въ изслѣдованіе, исполнены ли надлежащимъ образомъ сіи условія, то положено: объявить г. Сомову, коль скоро онъ явится въ канцелярію, что комитетъ предоставляетъ ему отыскивать претензію свою гражданскимъ судомъ, но остановить въ настоящее время печатанія оной не можетъ; ибо рукопись статьи, подписанная самимъ г. Сомовымъ, была одобрена г. цензоромъ гораздо прежде сдѣланнаго комитету и г. цензору извѣщенія о послѣдовавшемъ между ними—г.г. Сомовымъ и Аладьинымъ—несогласіи“ [1]).

Кто былъ виноватъ въ этомъ несогласіи—трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ выражать удивленіе по поводу появленія своей повѣсти въ журналѣ Аладьина Сомову не слѣдовало, т. к. 1-й № „Санктпетербургскаго Вѣстника“ былъ подписанъ цензоромъ еще 9-го декабря 1830 г., а 69-й № „Литературной Газеты“—лишь 29-го декабря! Поэтому ни о какой перепечаткѣ и рѣчи не могло быть [2]). Аладьинъ, повидимому, чувствовалъ свою правоту въ этой размолвкѣ, т. к. помѣстилъ во 2-мъ № своего журнала (68 стр.) слѣдующую замѣтку „отъ издателя“: „Для пользы русской литературы—мы умалчиваемъ о причинѣ, по которой статья О. М. Сомова, подъ названіемъ „Исполинскія горы“, является въ одно и то же время въ „Литературной Газетѣ“ и въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“.

Сомовъ все же отвѣчалъ на это въ своей статьѣ: „Новые русскіе журналы“ („Литерат. Газета“—5 №, 39 стр.); отмѣчая злоупотребленіе терминомъ „изящное“, онъ говоритъ: „Сочинитель сей статьи обязанъ благодарностью г. Аладьину, который, повидимому, призналъ изящною повѣсть его: „Исполинскія горы“, и для того рѣшился ее перепечатать въ своемъ „Вѣстникѣ“. Такое лестное сознаніе конечно должно уничтожить другое притязаніе сочинителя, а именно, что на сіе перепечатаніе не было отъ него получено предварительнаго согласія, въ замѣнъ коего издатель „Спб. Вѣстника“ объявилъ, что рѣшается на помянутое перепечатаніе „для пользы русской литературы“.

---

[1]) Архивъ министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1831 г.—№ 147020. „Дѣло“ съ реестрами одобренныхъ рукописей и книгъ и съ выписками изъ журналовъ засѣданій цензурн. комитетовъ. Нач. 18 февр., конч. 1 іюня.

[2]) Подтверждаютъ это и другія даты: 2 и 3 номера „Спб. Вѣстника“, гдѣ печаталось продолженіе и окончаніе повѣсти Сомова, имѣютъ ценз. помѣты отъ 5 и 8 января 1831-го г., номера же „Литературной Газеты“ (70–72), гдѣ Сомовъ продолжалъ самъ печатать „Исполинскія горы“, имѣютъ ценз. помѣты отъ 13 янв.. 22 янв. и 4 февр.!

Другая, весьма лестная для сочинителя повѣсти, оговорка!“ Все это не помѣшало, однако, Аладьину напечатать въ № 8 своего журнала (ценз. пом.—отъ 26 янв.) замѣтку Сомова: „Народныя имена“, также не отмѣченную въ работѣ С. Н. Браиловскаго. Наконецъ, отголоски этого эпизода находимъ въ письмѣ Сомова къ М. Н. Загоскину отъ 15 іюня 1831 г.: „Аладьина не знаю, гдѣ отыскать, пишетъ Сомовъ: онъ долженъ мнѣ, не платитъ уже съ полгода послѣ срока и глазъ не показываетъ“ [1]).

Цензоръ Щегловъ, между тѣмъ, опять скоро обратилъ вниманіе на „Литературную Газету“: въ засѣданіи цензурнаго комитета 23 января онъ представилъ на разсмотрѣніе его рецензію Сомова на повѣсть Ушакова [2]): „Киргизъ-Кайсакъ“ (Москва, 1830 г.); согласно этому представленію — „засѣданіе комитета нашло нужнымъ исключить въ этой статьѣ слѣдующую мысль: „Древность дворянскаго рода ничего общаго не имѣетъ у насъ со знатностью. Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ (оффиціальномъ — NB) сказано было, что шестисотлѣтніе дворяне не что иное, какъ мѣщане въ дворянствѣ; и справедливо“ [3])... Повѣсть Ушакова,—друга Полевого и Булгарина,— была отраженіемъ споровъ о „шестисотлѣтнемъ дворянствѣ“, въ которыхъ столь близкое участіе принималъ Пушкинъ [4]): главной задачей автора было доказать вредъ, причиняемый сословными предразсудками. Сомовъ въ своей рецензіи, напечатанной въ № 5 „Литературной Газеты“ отъ 21 января 1831 г. (ценз. помѣта отъ 31 января), указывалъ несправедливость нападокъ автора: „Привязанность къ стариннымъ дворянскимъ грамотамъ, говоритъ онъ, не есть у насъ общепонятный характеръ, но частная странность, какъ любовь къ древнимъ монетамъ или экзоти-

---

[1]) „Русская Старина“ 1902 г., сентябрь—620 стр.

[2]) Вас. Аполлонов. Ушаковъ (1789—1838)—критикъ, переводчикъ и беллетристъ; лучшимъ его произведеніемъ была именно повѣсть „Киргизъ-Кайсакъ“, которую Бѣлинскій назвалъ „удивительнымъ и неожиданнымъ явленіемъ“; въ „Библ. д. Чт.“ 1835 г. была напечатана его повѣсть: „Піюша“—пасквиль на Бѣлинскаго (см. собр. соч. Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова—III т., примѣч.).

[3]) Дѣло архива министерства нар. просв. № 147020. Упоминаемый „журналъ“—„Сѣверная Пчела“.

[4]) Отраженіемъ этихъ споровъ была „Моя родословная“ Пушкина и рядъ его замѣтокъ, большею частью оставшихся ненапечатанными при жизни поэта: см., напр., замѣтку: „Въ одной газетѣ, почти оффиціальной, сказано было, что я мѣщанинъ во дворянствѣ“... (собр. соч. подъ ред. С. А. Венгерова—V т., 6 стр.).

ческимъ растеніямъ. Разсмотрѣніе выгодъ и невыгодъ сего порядка вещей было бы здѣсь неумѣстно. Скажемъ только, что г. Ушаковъ напалъ на предразсудокъ, который у насъ не существуетъ“.

Не хотѣлъ Щегловъ пропустить и басню Измайлова: „Слонъ и Собака“, но цензурный комитетъ въ засѣданіи 10 марта „призналъ ее позволительною, на основаніи устава о цензурѣ, и допустилъ къ напечатанію“ [1]): появилась басня въ № 23 „Литературной Газеты“ отъ 21 апрѣля 1831 г.

Рядъ цензурныхъ мытарствъ претерпѣло также стихотвореніе В. И. Туманскаго: „Сѣтованіе“, напечатанное уже ранѣе въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г. [2]). Въ концѣ 1830 г. Туманскій снова хотѣлъ напечатать „Сѣтованіе“ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, внеся въ текстъ кое-какія измѣненія. Цензурный комитетъ не пропустилъ двѣ строфы стихотворенія, и „Сѣтованіе“ не появилось въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“; въ мартѣ 1831 г. снова была сдѣлана попытка напечатать стихотвореніе цѣликомъ въ „Литературной Газетѣ“, но 24-го марта попечитель округа Бороздинъ писалъ въ Главное управленіе цензуры—за № 63-мъ:

„Въ засѣданіи комитета 17 сего марта [3]) г. цензоръ, колл. сов. Щегловъ представилъ статью для „Литературной Газеты“, подъ заглавіемъ: „Сѣтованіе“—соч. Туманскаго; г. цензоръ изъяснилъ при томъ, что, по журналу 9-го декабря 1830 г. [4]), означенная статья пропущена была комитетомъ, за исключеніемъ двухъ мѣстъ, именно:

1) „Уже кипѣлъ во мнѣ сосудъ душевныхъ силъ [5]),
Меня сокрытый Богъ насильственно стремилъ
На поприще труда и славы“...

[1]) Дѣло арх. м. н. пр.—№ 147020.

[2]) VIII ч., № 8. 358—361 стр. Дата стихотворенія: „Августъ 1825 г.—Одесса“. Текстъ „Моск. Вѣстника“ перепечатанъ и въ собр. соч. В. И. Туманскаго, подъ ред. С. Н. Браиловскаго (Спб., 1912 г.—изд. Суворина), 150—152 стр.

[3]) Соотвѣтствующая выписка изъ журнала засѣданія—въ дѣлѣ Спб. ценз. комитета, хранящемся въ архивѣ Пушкинскаго Дома.—I б. 28.

[4]) Выписка—ibid. „Сѣтованіе“ разсматривалось тогда вмѣстѣ съ другимъ стихотвореніемъ Туманскаго: „Стансы“ („Ни думъ благихъ, ни пѣсней нѣжныхъ“...) и статьей гр. Д. Толстого: „О поэзіи Ломоносова, Державина и Пушкина“, также назначенными въ „Сѣверные Цвѣты“. „Стансы“ и статья были запрещены, и при дѣлѣ сохранилась рукопись статьи и автографъ стих. Туманскаго. „Стансы“ были напечатаны въ Пушкинскомъ „Современникѣ“ 1836 г.: см. собр. соч. подъ ред. С. Н. Браиловскаго.

[5]) Въ „Моск. Вѣстникѣ“ и въ собр. соч. стихъ этотъ читается иначе: „Уже я чувствовалъ отвагу юныхъ силъ“...

2) „Я какъ орелъ съ вершинъ направлю свой полетъ.
При имени моемъ гонимый отдохнетъ
И дрогнетъ дерзостный гонитель;
Чтобъ злобу поразить, проникну въ самой Адъ
И не приму земныхъ наградъ [1]).
А буду славы побѣдитель“ [2]).

Нынѣ же г. издатель „Литературной Газеты“ доставилъ къ нему—г. цензору—статью сію вновь, прося о допущеніи ея къ напечатанію въ цѣлости, безъ исключеній приведенныхъ выше мѣстъ, какъ, по убѣжденію его, не представляющихъ чего-либо противнаго уставу о цензурѣ, или объ испрошеніи разрѣшенія на сіе у высшаго начальства. Засѣданіе комитета, оставаясь при томъ мнѣніи, что означенные стихи выражены довольно темно, что весьма легко, давъ онымъ произвольное толкованіе, извлечь такія заключенія, по которымъ цензура и не въ правѣ была бы допустить ихъ къ напечатанію,—положило: согласно съ § 45 устава, представить на разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“ [3]).

Въ засѣданіи 30-го марта стихотвореніе было разсмотрѣно Главнымъ управленіемъ цензуры [4]), а 6-го апрѣля кн. Ливенъ сообщилъ Бороздину за № 149-мъ, что управленіе „согласилось съ мнѣніемъ комитета объ исключеніи помянутыхъ мѣстъ“ [5]). Цензурный комитетъ выслушалъ сообщеніе министра въ засѣданіи 7-го апрѣля и опредѣлилъ: „передать рукопись для исполненія по предписанію г. цензору Щеглову“ [6]). Въ урѣзанномъ видѣ Туманскій не согласился печатать стихотворенія, и оно не появилось въ „Литературной Газетѣ“.

Параллельно съ дѣломъ о стихотвореніи Туманскаго попечителемъ округа было возбуждено дѣло и о предназначенной въ „Литературную Газету“ статьѣ Тихонова: „Замѣчанія на статью, помѣщенную въ „Московскомъ Телеграфѣ“ сего года, въ январѣ мѣсяцѣ, подъ названіемъ: „Обозрѣніе XVIII вѣка“ [7]).

---

1) Ibid.: „И насыщу душевный гладъ“...

2) Ibid.: „Покоритель“.

3) Архивъ министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1831 г.—карт. XVI. № 147033. „Дѣло по представленію попечителя Спб учебн. округа о стихотвореніи, подъ названіемъ: „Сѣтованіе“, соч. Туманскаго“. Нач. 27 марта—конч. 6 апрѣля.

4) Ibid.

5) Архивъ Пушкинскаго Дома. Цензурныя дѣла—I б. 28.

6) Дѣло архива мин. нар. просв. № 147020.

7) „XVIII-й вѣкъ, или историческое значеніе времени съ 1700 по 1800 г.“,—анонимный переводъ съ французскаго: „Моск. Телеграфъ“ 1831 г.—№ 1 (ценз. помѣтка отъ 15 декабря 1830 г.), 3—33 стр.

Препровождая эту статью въ Главное управленіе цензуры, Бороздинъ писалъ 31 марта за № 73-мъ: „Обративъ на оную вниманіе, я нужнымъ почелъ предложить сіе сочиненіе для прочтенія всѣмъ членамъ комитета, дабы, при общемъ сужденіи, каждый изъ нихъ имѣлъ объ немъ удовлетворительнѣйшее понятіе. Вслѣдствіе чего, въ засѣданіи 24-го сего марта, комитетъ согласно призналъ упомянутую статью благонамѣренною и позволительною для напечатанія. Если же она заключаетъ въ себѣ указанія или выписки изъ такого сочиненія, которое, по настоящимъ обстоятельствамъ, можетъ быть, не было бы пропущено цензурою, то обстоятельство сіе разрѣшено предписаніемъ Главнаго управленія цензуры отъ 16-го сего марта—за № 98, дабы руководствоваться, въ подобныхъ случаяхъ, правилами § 77, предписанными для иностранной цензуры. Посему, согласно съ означеннымъ §, имѣю честь представить прописанное мнѣніе комитета на разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“ [1]).

Въ 1830 г. Главное управленіе цензуры не разъ охлаждало и парализовало рвеніе цензурнаго комитета, не соглашаясь слѣдовать его „запретительнымъ“ тенденціямъ, но въ 1831 г. роли перемѣнились. Рядъ репрессій свыше,—особенно строгая резолюція Государя, возлагавшая отвѣтственность за „проскакивающія“ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ „неприличныя“ статьи на министра народнаго просвѣщенія [2]),—заставили кн. Ливена быть осторожнѣе.—Главное управленіе цензуры разсмотрѣло статью Тихонова въ засѣданіи своемъ 6-го апрѣля и оказалось предусмотрительнѣе цензурнаго комитета: 27-го апрѣля—за № 173—кн. Ливенъ сообщилъ Бороздину, что управленіе не согласилось пропустить статью, „потому что въ оной разсуждается о предметахъ высокихъ съ такою неясностію, что она можетъ быть поводомъ къ превратнымъ толкованіямъ“ [3]). Предписаніе министра было выслушано 5-го мая въ засѣданіи цензурнаго комитета, который и опредѣлилъ „удержать рукопись при

---

[1]) Архивъ министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1831 г.– карт. XVI: № 147034. „Дѣло по представленію попечителя Спб. уч. округа о статьѣ „Замѣчанія на статью, помѣщенную въ „Моск. Телеграфѣ“, подъ названіемъ: „Обозрѣніе XVIII вѣка“. Нач. 6 апрѣля - конч. 27 апрѣля.—Краткое упоминаніе о дѣлѣ см. у В. В. Стасова: „Русская Старина“ 1903 г., II кн.—310 стр.“.

[2]) „Русская Старина“ 1903 г., II кн. –307 стр.

[3]) Архивъ Минист. нар. просв., дѣло № 147034--копія.

дѣлахъ комитета“ [1]).—Къ сожалѣнію, соотвѣтствующее дѣло цензурнаго комитета, заключавшее въ себѣ и рукопись запрещенной статьи Тихонова, не сохранилось въ архивѣ Петроградскаго университета.

Послѣднимъ эпизодомъ цензурной исторіи „Литературной Газеты“ было запрещеніе статьи Сомова, написанной по поводу статьи въ 12 № „Сына Отечества“ за 1831 г.: „Бѣлое и черное, или семь пятницъ на недѣлѣ“ [2]). Статья „Сына Отечества“ заключала въ себѣ рядъ цитатъ изъ „Обозрѣній россійской словесности“, помѣщавшихся Сомовымъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1828, 1829, 1830 и 1831 г. г.,—и раздѣлялась на двѣ части; первая была озаглавлена: „Что сказано г. Сомовымъ въ похвалу сочиненій Ѳ. Булгарина, когда почтенный О. М. Сомовъ былъ сотрудникомъ періодическихъ изданій Н. И. Греча и Ѳ. Булгарина“,—а вторая: „Что сказано г. Сомовымъ въ порицаніе сочиненій Ѳ. Булгарина, когда почтенный О. М. Сомовъ пересталъ быть сотрудникомъ періодическихъ изданій Н. И. Греча и Ѳ. Булгарина“. Цитаты изъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ Булгаринъ снабдилъ колкими примѣчаніями, особенно напавъ на выраженіе Сомова, что авторъ „Выжигина“ „пишетъ, какъ иностранецъ“: „Не знаю, восклицалъ онъ, по какому праву Ѳ. Б., учившійся русскому языку отъ 6-ти лѣтняго возраста въ Сухопутномъ Корпусѣ, что нынѣ 1-й кадетскій, пожалованъ г. Сомовымъ въ иностранцы? И Фонъ Визинъ, и баронъ Дельвигъ, и проч. и проч. не кореннаго русскаго происхожденія, но *не иностранцы*. Знаменитый Карлъ Нодье сказалъ весьма справедливо, что отечество не есть часть земли, заключенная между такихъ-то рѣкъ и такихъ-то горъ, но есть языкъ. Люди, говорящіе, а тѣмъ болѣе пишущіе однимъ языкомъ—суть соотчичи. Ѳ. Булгаринъ писалъ по русски тогда уже, когда почтенный г. Сомовъ, его критикъ, еще учился грамотѣ русской, и что болѣе, Ѳ. Булгаринъ проливалъ кровь свою за Россію на поляхъ битвы прежде, нежели г. г. критики, называющіе его иностранцемъ, стали проливать чернила! Другой, вѣря на слово критикамъ, въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что Булгаринъ какой-нибудь чухонецъ! Нѣтъ! Онъ истый славянинъ, а не чужеземецъ въ Россіи, ма-

---

[1]) Ibid.—дѣло съ реэстрами одобренныхъ рукописей и книгъ и съ выписками изъ журналовъ засѣданій цензурныхъ комитетовъ.—№ 147055. Нач. 18 іюля—конч. 7 декабря.

[2]) Статья подписана: „...ъ“ и принадлежитъ, конечно, Булгарину, подписавшему и примѣчанія къ ней.

тери славянскихъ поколѣній! Прозваніе объясняетъ его происхожденіе! Стыдно, г. г. критики!“ [1]).

Сомовъ понималъ, конечно, справедливость упрековъ въ непостоянствѣ своихъ мнѣній, но невѣроятная наглость Булгарина, сражавшагося, какъ извѣстно, въ 1812 г. *противъ* Россіи, заставила все-таки его написать возраженіе. Щегловъ представилъ 7-го апрѣля статью на разсмотрѣніе цензурнаго комитета, а 14 апр. Бороздинъ сообщилъ Главному управленію цензуры—за № 78-мъ—мнѣніе комитета, нашедшаго, „что статья сія заключаетъ въ себѣ не литературный разборъ какого-либо сочиненія, но обнародованіе обстоятельствъ, касающихся до частной жизни и службы г. Булгарина; потому засѣданіе комитета полагало неприличнымъ и даже непозволительнымъ напечатаніе оной, по силѣ § 3 пункта 4 устава о цензурѣ: но г. издатель „Литературной Газеты“ просилъ комитетъ, чрезъ г. цензора, о представленіи статьи сей на благоусмотрѣніе Главнаго управленія цензуры, коль скоро комитетъ нашелъ бы, съ своей стороны, затрудненіе допустить оную къ напечатанію“ [2]).

Главное управленіе цензуры разсмотрѣло статью въ засѣданіи 27-го апрѣля [3]), но лишь 18-го мая кн. Ливенъ оповѣстилъ попечителя округа—за № 186-мъ,—„что, по изложенной цензурнымъ комитетомъ причинѣ, предполагаемая для напечатанія въ „Литературной Газетѣ“ статья [Сомова] не можетъ быть дозволена въ настоящемъ ея видѣ“ [4]). Предписаніе это было выслушано цензурнымъ комитетомъ въ засѣданіи 26-го мая и во исполненіе его постановлено: „объявить г. сочинителю о таковомъ рѣшеніи Главнаго управленія цензуры, рукопись же статьи удержать при дѣлахъ комитета для сравненія, которое можетъ быть нужнымъ въ томъ случаѣ, коль скоро статья сія вновь была бы представлена комитету передѣланною“ [5]). Сомовъ не дѣлалъ, однако, новыхъ попытокъ; неизвѣстно намъ и содержаніе его отповѣди Булгарину, т. к. соотвѣтствующее дѣло цензурнаго комитета тоже не сохранилось.

---

[1]) „С. О.“ 1831 г., № 12—317 стр.

[2]) Архивъ Мин. нар. просв. Цензурныя дѣла 1831 г.—карт. XVI, № 147040. „Дѣло по представленію попечителя Спб. уч. округа о статьѣ Сомова на статью, помѣщенную въ „Сынѣ Отечества“, подъ заглавіемъ: „Бѣлое и черное“. Нач. 25 апр.—конч. 18 мая.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.—копія.

[5]) Дѣло архива Министерства нар. просв.—№ 147055.

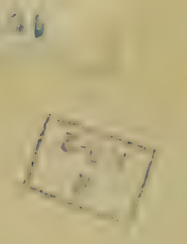
Таковы цензурныя судьбы „Литературной Газеты“.—Начавъ хирѣть еще въ концѣ 1830 г., „Литературная Газета“ послѣ смерти бар. Дельвига становилась все безжизненнѣе: количество подписчиковъ все уменьшалось,—и на 37-мъ номерѣ [1]), начавшемъ IV-й томъ, изданіе оборвалось.

Н. К. Замковъ.

[1]) Отъ 30 іюня: ценз. помѣта отъ 4 іюля.—Полугодовой комплектъ изъ 36 №№ составлялъ томъ „Литературной Газеты“.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
K istorJii "literaturnoi gazety
077 Z23K
D90005051K